

ОЛЬГА ПАШНИНА
СВИДАНИЯ
СО ЗЛОДЕЕМ

ИДДК

Ольга Олеговна Пашнина

Свидания со злодеем

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67126672

Аннотация

Габриэл Гримвелл – темный маг, глава богатейшей семьи Чармерда, убежденный холостяк и чертовски сложный мужчина. Циничен, скор на расправу, холоден и жесток. А еще он готов заплатить жизнью, чтобы защитить семью. В которую я и собиралась войти, став женой его племянника. Впрочем, быстро выяснилось, что род Гримвеллов хранит много секретов, а за безопасность удобнее платить чужими жизнями. И Габриэл в моей истории – самый настоящий злодей. Который открыл на меня охоту.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	13
Глава 2	43
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Ольга Пашнина

Свидания со злодеем

Пролог

Что лучше: попасть в лапы жуткого мага, жаждущего мести, или застрять в грозу посреди леса?

Вопрос философский. И бессмысленный, потому что я все равно застряла. Воид несколько раз угрюмо фыркнул, хрюкнул, как-то подозрительно вздрогнул и заглох. Бревно, валявшееся рядом, заросшее мхом и грибами, всем своим видом демонстрировало, что совершенно не виновато в том, что его задела краем крыла. Я, мол, тут уже лет сто лежу, все дело в тебе, это ты, Теана Морнингблум, такая криворукая.

Я не собиралась с этим спорить, но досада на себя едва не заставила плакать. За что?! Ведь все шло так хорошо! Я отсиделась в какой-то глуши, за гроши взяла выдавший вид, но крепкий и надежный воид и почти пересекла границу. И вот, в каких-то двух днях пути от долгожданной свободы, мне встретилось это бревно.

Паранойя внутри нашептывала привычное: «А если это он? Если бревно на твоём пути – дело рук Габриэла Гримвелла?» Но я быстро отбросила такие мысли. Во-первых, потому что так недолго и сойти с ума, во-вторых, потому что

бревенно определенно лежит здесь давно. Если бы оно было свежим или виднелись следы того, что его тащили! Но нет. В сердцах я пнула его, и из темного нутра с писком выскочила дождевая мышь, взмахнула крылышками и проворно забралась на ближайшее дерево.

– Прости, маленькая, – вздохнула я. – Ты, конечно, не виновата, что твой домик угробил мне воид.

За те несколько минут, что я пробыла снаружи, вымокла до нитки и вся изгваздалась в грязи. С неба все лилась и лилась холодная вода, повсюду грохотало, словно гроза подошла к леску, невольно ставшему для меня ловушкой, сразу со всех сторон. Вернувшись в кабину воида, я достала из кармана плаща часы. Всего лишь семь часов вечера, а темно, как будто настала ночь.

И что теперь делать? Я не могу сидеть здесь все время, нужно как-то или завести воид, или выйти к людям и найти помощи. Только вот деньги заканчиваются. Хватит ли их на ремонт?

Я устало потерла глаза. Хотелось в тепло, выпить чашку горячего чая и закрыть глаза хотя бы на пару часов. Я ехала с самого утра, без перерыва, лишь раз вышла, чтобы размяться и немного освежиться. Хотелось как можно скорее пересечь границу и забыть о Гримвеллах, как о страшном сне.

Черт... ночной лес во время грозы – не самая лучшая декорация для мыслей о Габриэле. Он и его семейство превратили мою жизнь в кошмар. Еще несколько недель назад

я была счастливой невестой, о чьей свадьбе писали во всех столичных газетах. Меня называли не иначе как «народной принцессой» – настолько сильно прогремела история о том, как приютская выпускница стала избранницей наследника одной из богатейших в стране фамилий. Это действительно была сказка, моя удача, моя любовь. Шикарное белое платье, тысячи приглашенных гостей.

Теперь я в бегах, и если однажды еще решусь выйти замуж, то только за полного сироту! У которого нет ни одного родственника! Ни сумасшедшей сестренки, ни напыщенной мамочки, ни, будь он проклят, мрачного дяди с безграничными возможностями! Плевать на богатство, плевать на роскошный дворец, плевать на славу, мне больше не нужен принц!

– Спокойно, Теана, спокойно! – Я закрыла глаза и несколько раз глубоко вздохнула. – Надо что-то делать. Нельзя здесь сидеть.

Если гроза продлится дольше, то крыша воида может протечь, а сама я уже замерзла, и будет большой удачей, если не слягу с простудой. Мне никак нельзя попадать в госпиталь, я должна добраться до Эйнгории.

Я лихорадочно рылась в сумке, разыскивая карту. Старая дорога была прямая и единственная, так что тоненький атлас с картой местности возле границы я почти не доставала. Но теперь он бы пригодился, вдруг неподалеку есть какая-нибудь деревушка или затерянный, забытый всеми, городок?

Маловероятно, что там кто-нибудь сможет починить воид, но, может, хотя бы снять комнату получится.

Увы мне. Ближайший город обнаружился в сутках пути. Я бы рискнула и отправилась по старой дороге пешком, но не в дождь, конечно. Теперь я уже не сомневалась, что придется идти пешком, но еще надеялась хотя бы отдохнуть перед последним рывком к свободе.

И сердце вдруг забилося чаще, когда я обнаружила небольшую точку на карте.

– Поместье «Фирвуд», – прочитала едва различимые буквы.

Вот уж не думала, что здесь найдется поместье, но, в конце концов, раньше старая дорога была совсем не такой заброшенной и пугающей. По ней между Эйнгорией и Чармердом шли торговые процессии, по ней путешественники добирались до южных хребтов, она же служила единственным путем к озерному краю. И только после постройки Чармердского моста старая дорога превратилась в укрытие для путников, не желающих, чтобы их нашли. Лес быстро отвоевал свои права там, откуда ушел человек, и теперь у меня нет другого выбора – только отправиться в поместье.

Я быстро переоделась в сухое и чистое, накинула дождевик, тщательно укрыла вещи в рюкзаке и с сожалением окинула взглядом потрепанный салон воида, верой и правдой послужившего мне несколько дней. Что ни говори, но даже если он больше не сдвинется с места, я все равно почти у

цели.

Поместье «Фирвуд», если верить карте, располагалось в часе ходьбы от старой дороги. Должно быть, кто-то из богачей в прошлом веке построил его здесь специально, чтобы сбегать от городской суеты поближе к природе. Здесь действительно даже воздух был прекрасен: от него немного кружилась голова. Свежесть дождя безмерно бы меня радовала, если бы я сейчас сидела дома, с чашкой горячего травяного чая, и смотрела на оживленную улицу, предвкушая свадебное торжество.

Нет... нет, нельзя думать о свадьбе. Я больше не невеста, я – беглянка, против которой восстало настоящее зло. И пусть кто-то скажет, что я сама во всем виновата, никогда не пожалею, что сдала Габриэла Гримвелла властям! У него есть деньги, чтобы откупиться даже от самой Звездноликой, но пусть знает, что далеко не все готовы склониться при одном упоминании его фамилии.

Поместье, скорее всего, заброшено, но вряд ли разрушено. В те времена строили на века. Там должно быть сухо, а еще наверняка есть какая-никакая постель и камин, который можно растопить – у меня в рюкзаке есть пара долго горящих поленьев для обогрева. Жаль только, вряд ли в старом особняке найдется еда. Но к этому я привыкла.

Упрямо шагая через лес под проливным дождем, вздрагивая от раскатов грома и вспышек молнии, я уже не надеялась выйти к дому. Мрачные мысли то и дело ввергали в

уныние. А если на карте ошибка? А если от дома остались одни руины? А если я иду не туда? Но я упрямо заставляла себя шагать, сверялась с картой, поскользывалась на размытой непогодой дороге. И, когда вдруг вывернула прямо на поместье, поначалу не поверила своим глазам.

Вдалеке от дороги, среди заросшего, но все еще величественного сада высился настоящий замок. Когда-то камень был светлым, но время на пару со стихией придали замку мрачность и какую-то особую красоту. Он оказался старше, чем я предполагала: остроконечные башенки и узкие окна были в моде лет двести назад, весь центр столицы застроен такими дворцами. Их тщательно берегли – после войны осталось мало памятников архитектуры.

Но самым главным открытием стало то, что поместье было обитаемо! На втором этаже горели сразу четыре окна, и это не бродяги развели костер, это был нормальный яркий свет, а окна занавешены шторами! Показалось даже, в одном из окон мелькнула темная фигура!

Несколько минут я колебалась. Но холод, дождь и сбитые в кровь ноги оказались способны развеять любые опасения. Даже если там окажутся злые люди, я готова рискнуть. Остаться на ночь в сломавшемся воиде или вовсе в лесу, под открытым небом, было бы подобно смерти.

Я бегом рванула к воротам, которые, конечно, оказались закрыты. Зато обнаружился звонок. Руки слушались плохо, но я несколько раз нажала на бронзовую изящную кнопку.

Спустя мучительную минуту раздался хриплый недовольный голос:

– Слушаю.

– Извините, пожалуйста... не могли бы вы разрешить мне погреться? Мой воид сломался в лесу, на старой дороге, я направлялась к границе. Я очень замерзла, здесь ужасный дождь! Прошу вас! У меня нет дурных намерений!

Ответом стала тишина. В отчаянии, вдруг испугавшись, что такая близкая надежда на тепло превратилась в призрачную, я снова нажала на кнопку:

– Господин... милорд, я умоляю, я не причиню вам беспокойства, я... у меня есть немного денег! В округе ни одной деревушки, я не знаю, сколько будет длиться гроза, клянусь, что...

С негромким скрипом ворота медленно начали открываться, и от облегчения я едва не разрыдалась. Не стала ждать, когда ворота откроются до конца, юркнула через образовавшуюся щель и припустила по дорожке к дверям дома. Показавшийся заброшенным сад в ближайшем рассмотрении оказался довольно ухоженным и свежим. Он отличался от принятой в столице геометричности, был каким-то излишне хаотичным, но все же довольно красивым.

Перед дверью я в нерешительности остановилась, не зная, будет уместнее ждать, когда мне откроют и пригласят, постучать или войти самой. Наконец я осторожно постучала – и дверь от малейшего усилия открылась.

О Звездоликая, от тепла, в которое я вошла, по телу разлилось наслаждение! Просто невероятно, какой восторг может вызвать крыша над головой и осознание, что сверху больше не льется ледяная вода. Правда, из-за контраста температур я начала мелко дрожать. Но это были такие мелочи в сравнении с перспективой ночевки в лесу!

Открыв рот, я рассматривала огромный холл в серо-синих тонах. Уходящая вверх широкая винтовая лестница была закрыта роскошным мягким ковром. Сквозь окна с невероятной красоты витражами пробивался тусклый свет. Полумрак скрывал картины и канделябры на стенах, но и без того было совершенно ясно: дом обитаем, и его хозяин тщательно следит за роскошной обстановкой.

Интересно, кто он? Аристократ-отшельник? Приехавший в отпуск богач?

Не хотелось бесцельно шататься по чужому дому: от обуви на полу оставались безобразные влажные следы. Но никто не спешил со мной знакомиться, и стало как-то не по себе. Я сделала несколько шагов к центру холла, чтобы посмотреть вверх.

– Извините, – осторожно позвала я, – понимаю, что доставляю неудобства, но нельзя ли мне воспользоваться ванной?

– Мой дом к твоим услугам, Теана.

Нет! Нет, только не это! Голос не может принадлежать ему, это какой-то сон!

Я резко обернулась, а в следующую секунду холодный мокрый лес стал самым желанным домом на свете! Прежде чем испуганный возглас сорвался с губ, я бросилась к двери, но та с оглушительным грохотом закрылась. Следом закрылись и окна, а канделябры на стенах сами собой вспыхнули, осветив холл жутковатым красно-оранжевым светом.

— Ты можешь воспользоваться ванной на втором этаже, рядом со своей комнатой, Теана. Все уже готово. Рекомендую хорошенько отдохнуть, потому что тебе придется задержаться.

Габриэл Гримвелл улыбнулся. Впрочем, его улыбка была обманчива: темные глаза оставались серьезными, и отблески огня в них не обещали мне ничего хорошего.

Глава 1

– Леди Морнингблум, я еще не видела невесты красивее вас.

Я хихикнула и сделала еще один глоток золотистого вина. Оно настраивало на легкомысленный лад, мне хотелось кружиться перед зеркалом, перемерить все платья в салоне и уж точно парочку купить. На то и был расчет, я полагаю.

Мы перебрали добрый десяток нарядов, и каждый я рассматривала с ошеломлением девочки, которая никогда даже издали не видела роскошной жизни. Одно платье здесь стоило как годовой бюджет приюта, где я выросла, но для Гримвеллов все это были гроши. Хотя я все равно нервничала.

– Может, посмотрим что-нибудь попроще? – спросила у жениха. – Свадебное платье надевают всего один раз в жизни. Тратить целое состояние неразумно.

Он улыбнулся.

– Помимо того, что я в тебе люблю, есть особое удовольствие тебя баловать, Теана. Свадьбу оплачивает дядя, и знаешь, за суровое воспитание он обязан раскошелиться по полной. Какое тебе нравится?

Мы дружно посмотрели на кремовое. Оно не изобиловало украшениями, но словно было сшито из тончайшей, почти невесомой ткани. Нежное кружево, кокетливая пуговка на спине, пышная струящаяся юбка – и тысячи крошечных

кристаллов, сверкавших отблесками солнечных лучей.

Оно было идеальным. Платье-мечта для свадьбы мечты.

– Мадам, – обратился жених к хозяйке, – нам нужно еще одно вечернее платье. Для ужина с моей семьей.

При мысли о нем у меня вспотели ладони.

– Ну что ты снова нервничаешь, Теана?

– Вдруг я не понравлюсь твоей семье?

– Так. – Любимый взял меня за руки. – Моя семья – богатейшая в Чармерде. Они не могут позволить себе бездумно впускать в свой круг посторонних. А значит что?

– Что?

– Тебя уже проверили, и дядя знает о тебе все. И ты им уже нравишься. Они уважают мой выбор, убедились, что ты – не шпионка из стана врага, и теперь хотят познакомиться с будущей родственницей. К тому же дядя уже оплатил часть приготовлений к свадьбе. Как думаешь, стал бы он делать это, если бы собирался запретить нам пожениться?

– Ты же сам сказал, что Гримвеллам плевать на деньги.

Он рассмеялся, и я невольно залюбовалась тем, как небрежно темные пряди волос выбились из идеальной прически. Генри всегда носил волосы до плеч и собирал их в хвост или косу. Он знал, что выглядит сногсшибательно, и часто этим пользовался. Порой я задавала себе вопрос: почему наследник такой семьи заинтересовался мной, сиротой из приюта, которой даже фамилию дали ненастоящую?

– Подловила. Но дядя не такой. Он иногда перегибает пал-

ку, может быть суров, забывает, что мы давно выросли и нас уже не нужно воспитывать, но если он дал деньги и приказал обустроить нам апартаменты – ты в семье, Теана Гримвелл.

Я улыбнулась, услышав непривычное звучание собственного имени.

– погоди. Обустроить апартаменты? Мы что, будем жить в вашем доме?

– Первое время. – Генри пожал плечами. – Мне нужно закончить учебу и перенять часть дел, дядя вводит меня в курс. Если мы переедем, я совсем не буду тебя видеть. Мне не хочется тратить первые годы после свадьбы на редкие свидания в выходные. Ты против?

– Нет... – Я закусила губу.

Жить в огромном доме, почти замке? Рядом с его семьей? С нелюдимым и мрачным дядей? Я была готова ради Генри на все, но это совершенно не значило, что не боялась новой жизни.

– Мне тоже хочется чем-нибудь заняться. Обучиться или найти работу.

– Поговорим об этом после свадьбы.

Да. В семье Гримвеллов не слишком жалуют работающих женщин. Что бы ни писали о семье Генри, женщины в его семье как правило служили дорогими аксессуарами на светских мероприятиях. Конечно, я знала, что они занимаются благотворительностью, и даже в свое время получала грант от Дебры Гримвелл – тетушки Генри, – но все же не могла

отделаться от ощущения, что жен они воспринимали примерно как неразумных детей, которым, в рамках адекватного воспитания, конечно, стоило давать немного свободы и ответственности.

Впрочем, к Генри это мало относилось. Мы встретились в библиотеке, и до сих пор могли говорить часами. Спорить, обсуждать новости, историю, искусство. Мы посещали выставки и концерты, а после устраивали бурные дебаты. Гуляли по старым улицам, рассказывая друг другу жуткие детективные истории. Порой мне казалось, я знаю Генри всю жизнь.

Звякнул колокольчик – мальчик-почтовик бесшумно и быстро положил на специальную полку стопку конвертов и свежую газету, забрал заранее приготовленную монету и так же тихо выскользнул на улицу.

– Вот, леди Морнингблум. – Мадам вернулась с охапкой вешалок. – Примерьте. О, принесли почту. Отлично, я как раз жду приглашение на ежегодный модный бал... о Звездоносика!

Пока я рассматривала всевозможные платья и ткани, Генри и владелица салона склонились над свежей газетой, и при этом их лица были такими мрачными, что на миг я подумала, будто свадьбу отменили и написали об этом на первой полосе. Потом я тут же отругала себя за эгоизм: а если что-то случилось?

– Все в порядке? – спросила я, подходя ближе.

«Овечка в волчьей шкуре» – гласил заголовок. Нахмурившись, я вчиталась в первые строки.

«Сегодня утром по обвинению в колдовстве была задержана леди Миранда Харсперин, вдова известного критика. Знаменитая своей благотворительностью и меценатством, леди Харсперин десятилетиями скрывала приверженность к запрещенному культу. Смертный приговор был вынесен спустя шесть часов после задержания. Казнь пройдет в Министерстве Справедливости двадцать пятого дня месяца Орла».

– О... я слышала о ней. Как ужасно.

По коже прошелся мороз от мысли, что даже в высшем обществе встречаются люди, обращающиеся к колдовству. Теперь, когда я без пяти минут жена Генри, мне еще страшнее от этой мысли, ведь скрыть магию гораздо проще, если есть деньги. Каждый, с кем мы общаемся, может быть преступником и убийцей.

– Никогда бы не подумала, что леди, так самоотверженно отдающая себя благотворительности, может быть монстром внутри.

Мадам и Генри как-то странно переглянулись. Они, должно быть, знали Миранду Харсперин лично и теперь пребывали в шоке.

– Дорогая, – расплылась в улыбке мадам, – стоит поторопиться с платьями, тебе ведь еще нужно сделать прическу, непременно отдохнуть и расслабиться перед ужином.

– Да, вы правы. – Я тряхнула головой. – Извините, меня просто очень пугают сообщения о магии. Моих родителей убила колдунья. Они стали ее последними жертвами, стража не успела буквально на несколько минут. Я выросла в приюте и с тех пор постоянно думаю о том, что понятия «безопасность» не существует.

– Не бойся, – улыбнулся Генри, – в моей семье тебя будут оберегать и защищать от всякого зла, малыш. Примерь красное.

– Красное? – Я с сомнением посмотрела на жениха. – А не слишком агрессивно для знакомства с семьей?

– Доверься мне. Дядя Габриэл любит красное. И красивых девушек в красном.

Заметив выражение моего лица, он довольно расхохотался.

– Звездноликая, ты – чудо. Не бойся так, дядя – убежденный холостяк. В шестнадцать ему пришлось стать главой семьи и воспитывать братьев и сестер, так что вся его юность прошла... м-м-м... прошла и следа не осталось. И теперь он не жаждет связывать себя отношениями, наслаждается одиночеством, деньгами и властью. Ну и свободными женщинами.

– В красном, – добавила я.

– Ты слишком юная для искушенного Габриэла Гримвелла. А вот для меня...

Я хихикнула, увернувшись от поцелуя, схватила роскош-

ное красное платье и скрылась в примерочной. Но вот ощущение мороза на коже не исчезло, мне казалось, словно в салоне появился дух арестованной колдуньи и внимательно за нами наблюдал. Я знала этот страх, он отпустит и позволит сделать вдох, только когда Миранду Харсперин казнят, не раньше.

Платье село как влитое, и я с удивлением рассматривала себя в отражении. Если в свадебном платье еще недавно по салону кружилась юная девчонка, впервые очутившаяся среди роскоши, то в этом в свет вышла леди Теана Гримвелл, супруга наследника империи Гримвеллов. Оно было сшито из плотной ткани, идеально облегающей тело. Очень скромное, даже слишком: с длинными рукавами, неглубоким V-образным вырезом и тяжелой юбкой в пол. И лишь в движении полы платья расходились, обнажая высокий разрез на ноге.

Меня позабавила реакция Генри, когда я вышла из примерочной. Сначала на его лице было написано что-то вроде «а не слишком ли?», но когда я сделала шаг вперед, в глубине синих глаз зажглись огоньки желания. Сотни девушек отдали бы все на свете, чтобы этот парень *так* на них смотрел.

– Да. Идеально! Берем?

Я осторожно кивнула. У мадам действительно было чутье на платья, не зря она держала лучший столичный салон. Даже не верилось, что я и вправду здесь, в залитом светом зале, в окружении зеркал, в которых отражается какая-то непривычно красивая и счастливая Теана.

Генри протянул мне руку, чтобы помочь подняться на подиум – платье следовало чуть укоротить.

– Готова к новой жизни?

О да. Я была готова. Правда, под новой жизнью представляла себе нечто совершенно иное.

* * *

Двери особняка Гримвеллов распахнулись передо мной и Генри. Худенькая миловидная служанка почтительно склонилась, и меня накрыло странным ощущением нереальности. Как будто это не для меня открывают двери и не в мою честь устраивают званый ужин. Хорошо, что Генри все это время держал меня за руку, иначе я бы дрожала, как осиновый лист. Я и так дрожала, но за вежливой улыбкой пока удавалось скрывать дикую панику.

– Все будет хорошо, – шепнул Генри. – Ты выглядишь идеально.

Потом мы сделали шаг в большую гостиную, и взгляды присутствующих обратились к нам.

Здесь было очень мило, хоть и, на мой взгляд, темновато. Горел камин, треск поленьев наполнял комнату уютом. Дамы и господа в вечерних платьях и костюмах беседовали, разбившись на группы. У каждого в руках был бокал с каким-то напитком. Предположительно вином у женщин, и коньяком или виски – у мужчин.

– Генри! – Темноволосая женщина в чем-то темно-зеленом и закрытом направилась к нам.

Она, как и многие дамы высшего общества в возрасте, закрывала шею и предпочитала носить одежду с высокими воротниками. Считалось, что шея и руки – то, что выдает в женщине возраст, так что когда она изящным движением взяла с подноса проходившего мимо официанта бокал и протянула мне, я увидела тонкие перчатки в тон платью.

– Вы, должно быть, Теана. Мое имя Диана Гримвелл. Я мать Генри.

Ну, здравствуй, будущая свекровь.

– Рада встретиться с вами, леди Гримвелл. Генри очень много о вас рассказывал и тепло отзывался.

Она рассмеялась.

– Что ж, дорогой, ты же не обидишься, если я стану любить твою невесту сильнее, чем тебя?

– Мама, не смущай Теану. Я не мог рассказать ей о том, какой ты бываешь, потому что иначе она сбежала бы на второй день после помолвки.

Я залилась краской и опасно покосилась на жениха. Похоже, они привыкли подтрунивать друг над другом. А я, выросшая в строгой дисциплине с тотальным отсутствием тепла между воспитательницами и воспитанниками, слегка пугалась такой непринужденности.

– Я поздравляю вас, Теана. И рада, что Генри выбрал себе невесту. Мне хочется, чтобы его судьба сложилась счастли-

вее моей. Понимаете?

– Да. Конечно. Я люблю Генри, у вас чудесный сын, и я благодарна Звездоликой за нашу встречу.

К нам постепенно начали подтягиваться и остальные гости, которым я вскоре перестала вести счет. Поначалу я очень нервничала, что не могу запомнить имена и родственные связи всех присутствующих, но вскоре поняла, что они быстро теряли ко мне интерес. Для большинства невеста Генри – всего лишь очередная будущая дальняя родственница. На нее интересно посмотреть, ей нужно представиться, но не более того. Гостей больше интересовали собственные новости, светские сплетни и угощение.

Только одна девушка запомнилась мне особо. Она не стала представляться, а остановилась напротив нас с Генри и смерила меня насмешливым взглядом. Закатив глаза, жених произнес:

– Теана, это моя сестра, Сибилла. Сибилла, это моя невеста, Теана. Будь с ней, пожалуйста, учтивая.

Последнюю фразу он произнес с нажимом.

– Не обращай внимания, – шепнул мне, когда Сибилла все так же молча отошла к матери.

Мне показалось, они обсуждали меня, но я усилием воли заставила себя отмахнуться от этой мысли.

– Сибилла не совсем... м-м-м... здорова. И к тому же недавно ее бросил жених, так что к нашей свадьбе она относится очень нервно. Да что там... Она ко всему относится

нервно, даже если это лишь смена дня и ночи. Знаешь ведь, в каждой большой и богатой семье должна быть безумная эксцентричная тетушка. В нашей это эксцентричная сестричка Сибилла.

– А где твой дядя? Он еще не пришел?

Усмехнувшись, Генри кивнул на кресло, что стояло напротив камина, спинкой к присутствующим. Мне казалось, там никого не было, и я еще удивилась: зачем в разгар приема ставить так кресло?

– Он что, к нам не подойдет?

– Да, – после паузы сказал Генри, – пожалуй, в нашей семье два эксцентричных члена. И один из них – дядя.

Я еще не видела Габриэла Гримвелла, он редко выходил в свет и почти не появлялся на страницах газет, предпочитая уединение и некий ореол таинственности. Но в моем воображении глава семьи Гримвеллов был классическим дядюшкой: слегка циничным стареющим джентльменом старой закалки. Поэтому когда Генри подвел меня к креслу и произнес: «Дядя, позволь представить тебе мою невесту Теану», я не сразу сопоставила образ из головы с реальностью.

А в реальности Габриэл Гримвелл оказался довольно молодым мужчиной. Пожалуй, ему даже не исполнилось сорока, он был ошеломительно красив и настолько же сильно пугающ. Темные глаза смотрели в самую душу. Цепко, безжалостно, равнодушно и холодно. Его пиджак небрежно висел на подлокотнике кресла, а рукава черной атласной рубашки

были безжалостно закатаны к локтям. Они обнажали сильные руки человека, который привык к физическим тренировкам.

– Генри, – уголками губ улыбнулся Габриэл, – извини. Задумался. Садитесь.

Он кивнул на небольшую софу рядом. Не без наслаждения я села – ноги очень устали в новых туфлях.

– Теана, значит.

Мне было не по себе под пронзительным взглядом мужчины. Я не ждала встречи с добрым весельчаком, но уж точно не ожидала, что Габриэл Гримвелл будет обладать такой жутковатой темной притягательностью. А еще он изучал меня, как бабочку, иглой пригвожденную к картонке. Не забываясь о том, чтобы произвести приятное впечатление и не выдавая ровным счетом никаких светлых эмоций.

– Генри, дорогой, – раздалось где-то вдалеке, – помоги нам с бутылкой, пожалуйста, в этом доме словно нет прислуги! Куда они все запропастились?!

– Дядя? – Генри вопросительно взглянул на Габриэла, ожидая разрешения.

Тот медленно кивнул, и я начала подниматься следом за женихом. Но тот едва заметным жестом меня остановил и коротко покачал головой. Да... да, это невежливо, но как же страшно было оставаться наедине с этим жутким Габриэлом! Я с такой силой сжала ножку бокала, что она едва не сломалась.

– Теана. Чем вы занимаетесь?

– Я няня.

– Няня? Вы нигде не учитесь?

– Я выросла в приюте, накопленных денег хватило лишь на курсы для гувернанток при детском саде. Однако я надеюсь, что получится восполнить недостаток образования после свадьбы.

– Иными словами, что наша семья оплатит вашу учебу.

Я опешила и почувствовала себя так, словно сверху кто-то вылил ведро ледяной воды. Габриэл Гримвелл смотрел пристально, почти не мигая.

– Нет, я не имела в виду...

– Что вы имели в виду, мне понятно. Глупо не пользоваться привилегиями, которые станут положены вам после свадьбы с моим племянником.

Вдруг внутри полыхнуло злостью. Совершенно лишней, дурацкой гордостью девочки, которая так и не привыкла к милостыни и благотворительности в свой адрес.

– Я могла бы прийти на ужин, лорд Гримвелл, в своем выходном платье, оно довольно милое, хоть и простое. А в мастерской при приюте есть швея, которая за разумную цену может сшить свадебное платье, соответствующее моему достатку и статусу. И мы с Генри могли бы жить в моей крошечной съемной комнате в рабочем квартале. В саду, где я работала, чудесные дети, а еще платят неплохое жалованье в срок. Образование вашего племянника позволило бы нам

жить не хуже моих соседей – семей портных, кожевников, рабочих дороги. Но Генри носит фамилию Гримвеллов, и вряд ли вы позволите ему считать монеты от зарплаты до зарплаты, экономить воду и есть испеченный мной хлеб. Поэтому я взяла на себя смелость предположить, что малообразованная серая мышка в роли жены Генри не понравится вам куда сильнее, чем сирота на содержании. Именно поэтому Генри купил для меня это роскошное платье и рассчитывает оплатить мое образование. Я прошу его лишь о любви, деньги нужны, чтобы эта любовь не разбилась о разницу между нами.

– Вы на всех так накидываетесь, Теана? – с удивлением поднял брови Габриэл.

Чувствуя себя последней дурой, я залилась краской от стыда за то, что сорвалась. Спокойнее, Теана! Это далеко не первая шпилька, которую ты получишь в свой адрес.

– Я чем-то смутил вас? Обидел? Ведь я задаю логичные для главы семьи вопросы. Генри мне как сын.

Да, если только он завел его в шестнадцать.

– Простите. Я не думала, что все произойдет... так.

– Вы не были готовы к тому, что я заинтересуюсь вашей мотивацией?

– Считала, вы станете действовать тоньше. Под благовидным предлогом отошлете куда-нибудь Генри, позовете меня прогуляться, заведете непринужденную беседу и мягко намекнете о своих опасениях.

– Что ж, я сэкономил нам обоим кучу времени.

И чуть не довел меня до обморока. Он мог сделать это одним взглядом, а уж сочетание бархатистого голоса, холода и пусть неявной, но все же враждебности, довело меня едва ли не до нервного срыва – руки дрожали. От Габриэла это не укрылось.

– Выпейте вина, Теана, расслабьтесь.

– Я не пью, но спасибо.

– Не пьете, вот как. Совсем? На это есть причина?

– Алкоголь слишком раскрепощает. Толкает на необдуманные поступки и раскрывает лишние секреты.

Я ляпнула это прежде, чем успела подумать, что в компании старшего Гримвелла вообще не стоит упоминать секреты, тайны и личное. Он вытащит и препарирует все, что мне хочется оставить себе.

– Выходит, у вас есть секреты, Теана?

– У всех есть секреты. Вопрос лишь в том, что принесет их раскрытие.

– Верно. И что оно принесет вам? Я рассчитываю на честный ответ.

– Боль, – пожала я плечами. – Мои секреты основаны на воспоминаниях. Я не хочу снова в них погружаться, они довольно болезненны.

– Как жаль, – улыбнулся Габриэл, – что мне плевать. Если вы хотите замуж за Генри, я должен знать о вас все, Теана. Даже то, что вы не готовы мне рассказать. И – как вы выра-

зились? – вопрос лишь в том, как я все узнаю. От вас или своими силами.

Я работала с детьми и могла с легкостью нащупать ту самую грань, за которой упрямство ребенка переходит в неконтролируемую истерику, когда уже сам малыш рад бы перестать рыдать и капризничать, но не может этого сделать чисто физически. В такие моменты стоило отступить, перестать давить и оставить ребенка в покое – и через некоторое время зайти со второй попыткой. Я знала об этой особенности, а вот Габриэл – нет. Если бы он сейчас улыбнулся, разрядил момент, а в конце вечера задал вопрос снова, я рассказала бы о жутких воспоминаниях, которые всколыхнула новость о Миранде Харсперин.

Но он продолжал буравить меня взглядом, и я не выдержала.

– Извините, лорд Гримвелл. Будет лучше, если вы утолите свое любопытство сами.

Он вдруг неожиданно цепко схватил меня за запястье, не позволяя подняться.

– Первый ваш неверный ответ за сегодня, Теана. Вы сильно рискуете.

– Я хочу замуж за Генри. Хочу жить с ним в сказочном мире, где не существует проблемы «на что купить еду». Но по таким правилам я играть не готова. У меня нет страшных тайн, способных навредить вашей семье, но есть личное. Мой ответ, может, и неверный, но вот вы за несколько минут

задали целый ворох неверных вопросов. Или жестоких.

– Я не был бы главой этой семьи, если бы не умел задавать такие вопросы.

– Приятного вечера, лорд.

Ему пришлось отпустить меня, потому что если бы мы продолжали упираться, стычка неизбежно привлекла бы внимание. Когда я отошла от камина, то словно глотнула холодный чистый воздух. Меня трясло так, словно после долгого пребывания на морозе я вошла в теплое помещение. Судорожно оглядываясь в поисках Генри, я случайно толкнула Сибиллу.

– Звездоликая, ты и в койке такая же неуклюжая? – проворчала она.

А по моему шикарному платью ценой с комнату, что я снимала, медленно стекали капли золотистогопряного вина.

– Теана... о, милая! – подоспевший Генри обеспокоенно на меня посмотрел. – Сибилла! Неужели нельзя быть аккуратнее?

– Твоя шл...

Он многозначительно посмотрел на сестру.

– Невеста не смотрит, куда идет. Я думала, она прошла курсы для нищенок, которых приняли в высшее общество.

– Еще не приняли, – улыбнулась я, – сходите к дяде, Сибилла, вдруг удастся договориться, чтобы этого не случилось?

– Дамы! – Генри даже побледнел. – Пожалуйста, не будем

устраивать споры. Теана, идем, я провожу тебя в ванную.

Ничего не оставалось, как под обжигающе ненавидящим взглядом сестрички Генри проследовать за женихом в глубь дома, туда, где я еще не бывала. Полумрак придавал длинным коридорам какую-то зловещую тусклость. Дом был огромный и богатый, но холодный, неуютный. Да, точно, неуютный. В приюте воспитательницы как могли создавали уют: цветами на подставках, милыми вещичками, пейзажами в коридорах, рамочками с фото в столовой. Я и став выпускницей, старалась обустроить скромное гнездышко так, чтобы в нем было приятно находиться.

А вот в доме Гримвеллов никто не стремился создавать и поддерживать уют.

– Он не даст разрешение на свадьбу, – вдруг вырвалось у меня.

– Что? – Генри остановился. – Теана, малыш, на тебе нет лица. Что такого сказала Сибилла? Не обращай внимания, моя сестра ненавидит всех, включая...

– Сибилла ни при чем. Я о твоём дяде. У нас вышел ужасный разговор. Генри, я ему нагрубила!

– Нагрубила? Теана! Зачем?!

– Он вел себя, как... не знаю, ужасно! Задавал личные вопросы, обвинил меня в меркантильности, загнал в угол! Я испугалась! Сказала, что мое прошлое – не его дело и отвечать на вопросы, заданные в таком тоне, я не стану.

Генри сокрушенно качал головой, и в моей душе робко

пробивались первые ростки разочарования. Почему он не скажет, что все будет хорошо? Почему не поддержит меня? Неужели он ждал, что я сломя голову брошусь в яму с голодными волками и дам себя растерзать? Это он имел в виду, когда уверял, что я понравлюсь его семье? Думал, тихая сиротка Теана будет покорно позволять грязными лапами копать в ее душе?

– Тебе не стоило поддаваться на провокации. Дядя – своеобразный человек, для него не существует личного, он привык получать ответы на свои вопросы.

– Тогда пусть задает их не так!

– Тише, Теана. При всем этом я не думаю, что он отменит свадьбу. Сейчас ты приведешь себя в порядок, умоешься, поправишь прическу, потом мы вернемся в зал, извинимся перед дядей, объясним все твоим волнением – и через неделю ты станешь моей законной женой, Теаной Гримвелл.

– Извинимся?! – вспыхнула я.

– Теана, пожалуйста! Не веди себя как подросток! Нужно уметь сглаживать конфликты, это ведь не вражда старшеклассниц в приходской школе! Нужно уметь отступать.

– Или прогибаться.

– Да, или прогибаться. Нет ничего зазорного в том, чтобы прогнуться под Габриэла Гримвелла однажды, чтобы в будущем получить статус, деньги, уважение и жизнь, о которой мечтают миллионы.

– А право первой ночи у вас, случайно, еще не действу-

ет?! – рывкнула я и распахнула дверь ванной, к которой мы как раз подошли.

К счастью, Генри не стал меня преследовать. Появилось время, чтобы прийти в себя, отдышаться и обдумать свой первый семейный скандал.

Чтобы хоть как-то развеять гнетущую тишину, я включила воду. Ее шум немного успокаивал, но сердце все равно билось очень быстро и рвано. Меня раздирали на части противоречивые желания. Сбежать из мрачного дома или вернуться и доказать, что меня не так-то просто сломать? Обидеться на Генри или поверить, что он делает все, чтобы наша свадьба стала возможной? Сдаться Габриэлу, рассказать о родителях или стоять на своем? Какой же адски сложный выбор.

Если я сейчас выйду и склоню голову, позволю Габриэлу влезть в самое сокровенное, то признаюсь в слабости. И в желании сытой жизни, которое сильнее гордости. Тогда я могу увидеть в его глазах презрение, и даже если стану членом семьи, вряд ли стану ее частью. На самом деле разница огромная.

Но если продолжу настаивать на своем и буду бороться до конца, то он подумает, что мне и впрямь есть что скрывать, что за любовью к Генри стоят скрытые мотивы. И это точно не то, что мне сейчас нужно.

А еще я слишком много думаю о Габриэле, хотя должна о любимом мужчине. Это что, такая магическая способность

– замыкать мир на себе?

Подумав о магии, я вздрогнула и прижала пальцы к губам. Теана, только не ляпни это вслух! Не хватало еще оскорбить семью жениха упоминанием колдовства. Тогда можно забыть и о Генри, и о его любви, такое не прощают даже девушкам, которым сделали предложение.

Что ж, искусство дипломатии не просто так называется искусством. Люди годами учатся извиняться, сохраняя достоинство, и отстаивать свои права, не вступая в конфликты, научусь и я. Хотелось бы, конечно, осваивать непростой навык не в полевых условиях, но когда мне было просто?

Я наспех умылась, обновила макияж и заправила выбившиеся из прически пряди, а затем вышла. Ожидала, что Генри будет ждать снаружи, но коридор оказался пуст, и мне ничего не оставалось, как самостоятельно вернуться в зал. Только вот, проходя мимо одной из многочисленных дверей, я вдруг услышала знакомый голос жениха и не смогла удержаться и не остановиться.

– Я против свадьбы, Генри. Извини, но я против.

– Ты ошибаешься!

– Я редко ошибаюсь.

– Сколько их было, дядя?! Скольким моим девушкам ты сказал «нет»?! Я не могу больше так, я люблю Теану, она прекрасная! И ты ошибаешься насчет нее.

– Она прекрасная, я не спорю. Молодая, красивая, неглупая, гордая, довольно дерзкая. Но она не подходит тебе, Ген-

ри, вы из разных миров. Их столкновение неизбежно приведет к катастрофе.

– Ты несправедлив. Теана поймет меня, она уже понимает, я доверяю ей.

– Ты просто не испытывал боли от предательства, Генри. Посмотри на сестру. Посмотри, во что превратилась ее жизнь. Почувствуй, как она ненавидит меня, себя. Как винит себя в том, что ошиблась. Ты всегда спрашивал, почему я не женюсь и не заведу детей – вот ответ. Потому что мы все несем ответственность, и я не готов платить по счетам, если ошибусь. Потому что мне приходится мучить тебя и Сибиллу, и я не готов привести в этот мир еще детей, которым придется сломать жизнь. Поэтому подумай, Генри, подумай хорошенько и реши, готов ли ты рискнуть с Теаной Морнингблум, потому что она предаст. Она предаст, и тебе будет очень больно.

– Она не предаст. Я уверен. Я готов рискнуть.

– Ты понимаешь, что если ошибаешься, то я не смогу помочь? Ты можешь умолять, ненавидеть меня, проклинать, но последствия будут неизбежны.

– Да.

– Ничего ты не понимаешь, Генри. Ты даже не представляешь, на что соглашаешься.

– Теана стоит того, чтобы рискнуть.

Послышались шаги, и я поспешила к ближайшему повороту. Звуки музыки и гомон голосов стали громче, и при-

шлось поторопиться. Нельзя, чтобы Габриэл и Генри догадались, что я слышала их. Даже малейшее подозрение все перечеркнет.

Иногда кажется, что богатые люди совсем поехали крышей. Предательство! Можно подумать, только нищие, дорвавшиеся до денег девочки предают. Что старший Гримвелл имел в виду? Что я заведу интрижку? Что буду вести себя недостойно фамилии? Что солью прессе лишние подробности, упиваясь новым статусом? И что, черт возьми, произошло с Сибиллой? Генри сказал, ее бросил жених, и, пожалуй, будь я на ее месте, это стало бы ударом, но неужели все настолько плохо...

Вернувшись в гостиную, я попала в улей. Показалось, что в помещении одновременно присутствуют сотни людей, и все они говорят, смеются, звенят бокалами и стучат каблуками. Хотя, конечно, их было не больше пары десятков. Чтобы занять дрожащие руки, я взяла у проходящего мимо слуги бокал, но едва успела сделать глоток, в комнате появились Генри и его дядя. Жених поспешил ко мне.

– Ты как? – шепотом спросил он.

– Все нормально.

– Дамы, господа, – Габриэл обворожительно улыбнулся, – давайте начнем наконец наш вечер и все пройдем в столовую, где по достоинству оценим умения повара. Он сегодня обещал превзойти сам себя.

Ну вот. Приглашение на эшафот. Сейчас мне скажут, что

было приятно познакомиться, однако брак – ответственное и серьезное мероприятие и не следует с ним спешить. К тому же такая скоропалительная свадьба не в духе семьи Гримвелл, и стоит подготовить все как можно тщательнее. Поэтому церемонию отложат месяца на три, и за это время все само собой стухнет.

Это не я придумала, это рассказ Генри. В самом начале знакомства он как-то в шутку рассказывал, что пытался познакомиться бывшую девушку с семьей – и именно это сказал ему Габриэл, посоветовав не торопиться, а затем и вовсе запертив им виденье.

Как же сложно быть частью мира богатства. Оно как будто отравляет все, к чему прикасается.

– Дорогие гости...

Габриэл поднялся, и все мгновенно умолкли. На лицах было сплошь почтение, на некоторых – благоговейный страх. Только Генри и его мать улыбались. Генри немного натянуто, а вот несостоявшаяся свекровь – искренне и широко. Мое внимание привлекла Сибилла: она тихо и методично накачивалась спиртным в дальнем конце стола.

Нас же посадили по левую руку Габриэла – сначала Генри, затем меня.

– Что ж, прежде чем мы начнем, скажу несколько слов. Мы собрались сегодня по инициативе Генри. Вы все знаете, как я отношусь к нему. Это мой сын, пусть в документах и по крови это и не так. Я воспитывал его как сына, я восприни-

мал его как сына. И Генри – главный мой наследник, который в будущем займет мое место и станет главой семьи. Сегодня Генри привел к нам свою девушку, Теану Морнингблум. Вы имели удовольствие познакомиться с ней чуть раньше...

Послышался звон: Сибилла уронила бутылку. По столовой поплыли ароматы алкоголя, мгновенно впитавшегося в дорогой светлый ковер. А сама сестричка Гримвелл пьяно хихикнула и попыталась было поднять бутылку, но не удержалась и свалилась со стула.

У Габриэла мгновенно изменилось лицо, на нем появилась гримаса отвращения, смешанного с яростью.

– Вон! – рыкнул он тихо, но так, что ни у кого не хватило духу возразить.

У Сибиллы тоже. Пошатываясь, она поднялась и едва не упала, пытаясь сделать книксен. Потом расхохоталась, схватила со стола непочатый графин виски – и побрела из столовой, продолжая хихикать. Почему-то напилась Сибилла, а стыдно стало мне. Как будто я стала причиной.

Габриэл сделал глубокий вдох.

– Прошу извинить мою племянницу. У нее выдалась тяжелая неделя. Казненная сегодня Миранда Харсперин была ее гувернанткой. Сибилла справится, с ней все будет в порядке.

В этой семье вообще никто не в порядке, по-моему.

– Итак, Теана Морнингблум. Девушка, покоровившая сердце нашего Генри. Когда я слышал, что он хочет предста-

вить ее нам, я подумал, что брак – это очень ответственное и непростое решение. В нашей семье всегда относились к браку... сложно. Родители считали и обучили этому нас: сковывая себя узами брака – ты клянешься в верности до самой смерти. Я не стану скрывать, что двадцать – очень юный возраст, по моему мнению. И надевать оковы, разбить которые можно лишь перед лицом Звездоликой – отчаянный шаг.

Я закрыла глаза, готовясь услышать приговор собственной мечте о семье. Когда-то я клялась, что сделаю все, чтобы мои дети не попали в приют, чтобы их не растили посторонние незнакомые люди, но без Генри все это теряло смысл.

– Я взял ответственность за семью в шестнадцать. Тогда все сказали, что я – ребенок, и желающих растащить Гримвеллов на куски было бесчисленное множество. Но я справился.

Он может говорить хоть о ком-то, кроме себя? Ощущение, будто жениться собирается не Генри, а Габриэл.

– И верю, что справится Генри. И что я не зря вложил в него все, что имею. Ему двадцать, но он не ребенок. Сегодня он принял решение жениться на Теане Морнингблум. Давайте поздравим его с помолвкой и встретимся вновь – на свадебном торжестве через неделю.

Я открыла глаза, на секунду подумав, что все это – плод воображения, что на самом деле Габриэл сказал совершенно другое. Но мать Генри улыбалась нам, и в ее глазах стояли слезы, а сам Генри украдкой под столом сжал мое колено.

В тот момент, когда я поверила, когда поняла, что прошла через эти адские смотрины и выдохнула, в столовой вдруг погасли все свечи, погрузив комнату и присутствующих во мрак.

Повисла такая тишина, что звук, с которым Габриэл поставил бокал, показался неприлично громким. А уж следовавшая за ним реплика, сказанная каким-то строгим и категоричным голосом, и вовсе развеяла начисто только-только установившуюся атмосферу торжества.

– Позвольте мне, господа.

Вспыхнула первая свеча – Габриэл лично, держа в руках шкатулку со спичками, зажигал каждый светильник. Он делал это неторопливо, будто наслаждался процессом, и все внимали. Я смотрела на спектакль с удивлением, потому что... это всего лишь свечи. Почему нельзя позвать прислугу и быстро зажечь свет? Разносить бокалы с игристым призывали с десятков служанок, а зажечь свечи понадобилось непременно хозяину? Ужасно странная семейка.

– В старых домах постоянные сквозняки, – улыбнулся Габриэл и при этом почему-то посмотрел мне в глаза.

Наконец в столовую вернулся свет и начали подавать ужин.

– Что ж, пожелаем Генри и Теане успехов, – хмыкнул Габриэл, вернувшись за стол.

Потекла непринужденная беседа. Хотя я все равно чувствовала себя не в своей тарелке. Диана, мать Генри, задава-

ла какие-то вопросы и пыталась быть милой, но ее цепкий внимательный взгляд ничуть не уступал взгляду ее брата. Я говорила себе, что готова пройти жестокий отбор, в который должно было превратиться знакомство с семьей, но оказалось, что готова я была только на словах. И уже к десерту чувствовала себя так, словно весь день рубила дрова.

– Как ты? – шепнул Генри, когда мы переместились обратно в гостиную, где подали кофе и изумительные конфеты из темного шоколада.

– Нормально. У тебя непростая семья.

– Прости, что был груб. Я тоже нервничаю перед свадьбой. Мне всегда хотелось жениться не по расчету. Чтобы все было по-настоящему. А это сложно сделать, если ты вырос среди Гримвеллов.

– Что случилось с Сибиллой? Она выглядит очень подавленной.

– Ее жених исчез перед свадьбой. Без слов, без прощаний, без объяснений. Просто однажды исчез – и с тех пор о нем нет вестей. Дядя был против их свадьбы, но Сибилла настояла. И в наказание он заставил ее заниматься отменой торжеств самостоятельно. Она уведомляла всех гостей, всех устроителей и газетчиков, близких семье и освещавших торжество.

– Как жестоко!

Потрясающий мужчина. И как только Генри с таким воспитанием удалось вырасти в чуткого и терпеливого челове-

ка?

– Я думаю, он уже пожалел, что так погорячился. Но Сибилле нужно время, она хорошая девушка. А мы...

Он впервые за вечер проявил нежность публично и обнял меня за талию, увлекая к небольшой софе, где мы могли сесть вдвоем и не терпеть чье-то присутствие.

– Мы через неделю станем мужем и женой. Ты рада?

– Да. Я до последнего думала, что сейчас тебя запрут в башне и приставят дракона, а меня сошлют на рудники.

Генри расхохотался.

– Звездноликая, ты – чудо. Самое страшное, что случилось бы – дядя обиженно ушел бы в кабинет и отказался присутствовать на свадьбе. Мы бы встречались тайком от него и поженились в крошечном храме на краю света, а через год вернулись вместе с первенцем, и дядя смирился бы, полюбил его, как родного и все такое.

– Как-то странно думать о твоём дяде в контексте внуков. Он старше тебя на... семнадцать лет?

– Да, он рано взял на себя заботу о семье. Маме было семнадцать, но женщина не может стать во главе рода. Ее это угнетало, она закрутила роман с каким-то картографом, родила нас с Сибиллой, а картограф сбежал. Мы часто шутим, что это злой рок: от членов семьи Гримвелл часто уходят вторые половинки.

Он посмотрел мне в глаза и поднял руку, чтобы погладить по щеке.

– Не бросай меня, Теана. Не предавай, как папа предал маму или как жених Сибиллы.

– Генри... я люблю тебя. Зачем мне предавать?

На это он ничего не ответил, только подарил мне мимолетный поцелуй в лоб.

– Я бы сбежал отсюда с превеликим удовольствием. Хочешь, покажу тебе сад?

– Было бы чудесно.

– Тогда идем. Попрощаемся с дядей и будем гулять всю ночь. Уверяю, половина гостей сейчас так накатит, что даже не заметит нашего отсутствия.

Габриэл нашелся на том же месте, у камина, в неизменном одиночестве. Вместо кофе он предпочел виски, и, кажется, энный стакан алкоголя наконец-то оказал свое влияние: глаза старшего Гримвелла опасно блеснули.

– Дядя, я хочу показать Теане сад, а затем отвезу ее домой.

– Оставайтесь, Генри. Время позднее, ты выпил, а твой вояд еще мне дорог, я его недавно тебе подарил. Отвезешь ее утром.

– Хорошо.

Генри ненавязчиво меня подтолкнул.

– Доброй ночи, Габриэл.

Он задумчиво на меня посмотрел. Ощущение бабочки на булавке вернулось.

– Доброй ночи, Теана. Добро пожаловать в семью.

Глава 2

«Я клянусь в вечной верности. Любви и преданности. Пока смерть не разлучит нас. Я, Теана Морнингблум, вверяю тебе, Генри Гримвелл, свою жизнь, душу и судьбу. По благословению Звездноликой богини клянусь быть женой, матерью, надеждой и любовью».

Повторить еще раз сто – и грохнуться в обморок от страха, что забуду клятву перед алтарем. Раньше я представляла свадьбу как праздник мечты. В своих фантазиях я светилась от счастья, выходила к полудню в шикарном платье, блистала и сияла на радость возлюбленному. На деле все оказалось несколько иначе.

Неделя перед свадьбой выдалась безумной. Несколько дней заняло увольнение с работы: передать дела новой гувернантке, получить увольнительную грамоту, а потом еще и Диана, мать Генри, настояла на двух предсвадебных вечеринках: на работе и в приюте, где я выросла. Это было мило, богато и всех взбудоражило, но я понимала, что вечеринки нужны исключительно для того, чтобы я не звала никого из прошлой жизни на свадьбу.

– Ты можешь позвать, – возразил Генри. – Недовольство мамы переживем, а дядя встанет на мою сторону.

Но я только отмахнулась. У меня не было близких друзей, и раз уж Диана закатила две шикарные вечеринки с подар-

ками, угощением и благотворительными взносами, не стоило отвечать ей упрямством.

Потом были многочисленные приготовления, начиная от выбора торта и заканчивая постановкой первого танца. Здесь уже досталось Генри, и к концу тренировок он был уже не так оптимистично настроен. От учебы и работы с дядей его все же никто не освобождал.

Поэтому мне казалось, что вот я, ворочаясь и непонятно отчего тревожась, уснула в гостевой спальне дома Гримвеллов, а поднялась уже в номере шикарного отеля, где и провела последнюю ночь в статусе незамужней леди.

– Вы готовы, леди Морнингблум?

Распорядительницей свадьбы – ее тоже выбирала Диана – стала весьма опытная и цепкая Лаура Торвуд. Она была красива, исключительно корректна, жесткой рукой правила огромным коллективом прислуги и... мной. Единственным недостатком Лауры был недостаток обычных человеческих эмоций. Мне бы хотелось, чтобы в самый счастливый день рядом был кто-то близкий и счастливый. Впрочем, за это следовало благодарить колдунью, оставившую меня сиротой, а никак не семью Гримвеллов. Они жили так, как умели и любили. Скоро их мир станет моим.

– Итак, леди Морнингблум, план на сегодняшний день таков: сейчас мы совершаем прогулку по центральной улице, каждая свадьба высоких лордов – событие для простых людей. Слуги будут раздавать угощение и деньги, ваша задача –

сиять и вдохновлять. Вы нравитесь им, если читали газеты, то они называют вас народной принцессой. Многие захотят живую посмотреть на простую девушку, ставшую возлюбленной почти принца. Не разочаруйте их, за каждым вашим словом и движением будут следить. Если не знаете, что сказать, то лучше делайте вид, будто очень взволнованы.

Делать вид? Да если я не грохнусь в обморок у всех на виду, это будет верхом самоконтроля и хладнокровия!

– Затем мы отправляемся в королевские сады, где художники сделают наброски портретов. Вашего, лорда Гримвелла и совместного свадебного. И уже после этого отправимся во Дворец Союзов, где и состоится бракосочетание. Я правильно понимаю, что вас некому вести к алтарю? – спросила Лаура, сверившись с записями в папке.

– Да, я сирота.

– Отлично, леди Гримвелл предупредила меня об этом, а лорд Гримвелл-старший любезно согласился...

– Что?! – Я так резко обернулась, что девочка-модистка ойкнула и выронила тиау. – Габриэл поведет меня к алтарю? Но я думала, что сама...

– Это исключено, – все с той же вежливой улыбкой ответила Лаура.

– Это противоречит смыслу ритуала! Отец отдает дочь в семью мужа под взором Звездоликой! В моем случае я отдаю себя сама! Габриэл Гримвелл мне не хозяин!

– Зато об этом напишут. Вы с Генри оба сироты, если

брать во внимание отцов, поэтому Габриэл, связавший ваши судьбы – отличный символ и красивая история. Люди любят истории. Они уже влюбились в вашу – сиротки-принцессы – и с удовольствием съедят еще одну. Теана, пожалуйста, поспешите. Мы не имеем права опаздывать.

С каждым часом я все больше недолюбливаю семью Генри, хоть и пытаюсь с этим чувством бороться. Но они пытаются превратить самый счастливый день в моей жизни в пытку! Сначала показать меня всем, как новую игрушку, потом еще и заставить идти к алтарю с Габриэлом. К началу торжественного ужина я буду чувствовать себя так, словно меня постирали, отжали и пересушили на полуденном летнем солнце.

Окинув взглядом последний раз себя в зеркале, я в сотый поправила серьги. Это был подарок матери Генри – две тонкие ниточки жемчуга были простыми лишь на первый взгляд. Крошечные бриллианты блестели меж белоснежных бусин. Кончик сережек приятно щекотал шею. Я до дрожи боялась их потерять, понимая, что такое мне не простят.

– Леди Морнингблум, пожалуйста, не трогайте волосы и серьги! – взмолилась Лаура, когда мы спускались к выходу. – Это признак неуверенности в себе!

– Но я и есть неуверенная в себе невеста.

– Да, но люди хотят видеть спокойную и счастливую принцессу.

Меня никак не покидало ощущение, что все это какой-то

спектакль. Как будто я – героиня шоу, за которым наблюдают люди. Не имеющие и тысячной доли богатства Гримвеллов или какой другой известной семьи, они жадно наблюдают за чужой роскошной жизнью, которую им специально показывают. И я когда-то тоже стояла в толпе и наблюдала за свадьбой леди Редвилл, восхищаясь ее статью, улыбкой и очаровательной нежностью жениха, проявляемой будто с осторожностью.

Очень странное ощущение – вдруг оказаться по другую сторону заграждений.

Воид понесся по солнечным зеленым улицам города. Позади нас ехали еще два воида из кортежа, закрытых и сдержанно-серых. Я знала, что Лаура наблюдает за каждым моим действием и, вероятно, обо всем доложит Габриэлу. Поэтому отбросила лишние размышления и постаралась сосредоточиться на новой роли. Скоро это станет естественным образом жизни: члены знатных семей постоянно участвовали в публичных мероприятиях.

Вскоре мне даже понравилось улыбаться и махать пришедшим на нас посмотреть. Их счастье заряжало энергией – я никак не могла понять, откуда в совершенно незнакомых людях такая радость от свадьбы какого-то лорда и его девушки. Почему они волнуются и восхищаются не меньше меня.

Такая эмоциональная подпитка пришлась как нельзя кстати: я ничего не съела за завтраком и, к тому времени как кортеж подъехал к саду, чувствовала совсем не легкий голод.

Но угощение и вино предназначалось гостям, а не новобрачным. Пока все бродили меж золотистых шатров, общаясь за бокалом холодного игристого и поедая нежные тарталетки с морепродуктами, мы с Генри должны были позировать художнику. За час он собирался создать несколько эскизов, которые позже превратит в портреты – и они украсят наши с Генри апартаменты, семейный зал в резиденции Гримвеллов и Галерею Знати в королевском музее.

– Ты великолепна, – улыбнулся будущий муж, помогая мне выйти из воида.

– Не делай вид, что удивлен, ты ведь уже видел платье.

– Тебе идет счастье, Теана. И эта прическа. Идем, нас все заждались.

Он крепко держал меня за руку, пока мы шли до места рисовки.

– Как прошла поездка?

– Волнующе. Столько людей. Они смотрели на меня, бросали на дорогу цветы. Почти как принцессе.

– Королевские свадьбы, конечно, проходят шикарнее, но наша – тоже довольно яркое событие. Понравилось быть в центре внимания?

– Не знаю, – честно призналась я. – Испугалась. Неделю назад я была гувернанткой в детском саду, а сегодня на моей свадьбе будет королевский советник...

– И обязательно пригласит тебя на танец, – рассмеялся Генри.

Мы подошли к красивым качелям, увитым живыми благоухающими цветами сирени. На столике неподалеку нашелся запотевший графин с чистой лимонной водой, но, к моему сожалению, не было никакой еды.

– У нас будет не самый традиционный портрет, – объяснил Генри. – Дядя давно хотел внести в галерею разнообразие. Поэтому ты будешь сидеть на качелях, а я – обнимать тебя сзади.

А сейчас душа наполнилась благодарностью к дяде Генри, потому что целый час на ногах в новых туфлях, пусть и удобных, я бы не выдержала.

– Так всегда со свадьбами, – сказал Генри. – Первую половину дня – работа, а затем уже праздник. Но я рад, что могу тобой любоваться, даже позируя.

Щеки залил румянец, но я не успела ответить: пожилой, но очень бойкий художник уже установил мольберт – и его рука запорхала над листом. Пришлось замереть, постаравшись сохранить на губах счастливую улыбку. Такой меня вписывали в историю – в прямом смысле этой фразы.

К концу позирования сгустились тучи и начал накрапывать легкий дождик, что привело в глубокую печаль художника: он явно успел далеко не все, что планировал. Но тут Генри был неумолим:

– Заканчиваем, господин Сейм.

– Но милорд...

– На Теане – тонкое кружево, а не осенний плащ. Если

моя жена заболеет, дядя будет недоволен сильнее, чем если в портрете будут неточности, о которых впоследствии никто и не вспомнит.

Художнику пришлось подчиниться, а я подумала, что в этот момент Генри был очень похож на опекуна.

– Что теперь? – спросила я, когда под тремя здоровенными зонтиками, которые над нами держали слуги, мы двинулись обратно к воидам.

– Едем во Дворец Союзов. Там ты сможешь освежиться, затем состоится церемония обмена клятвами, брак оформят в метрической книге – и нас поздравят самые важные гости. Затем мы должны выйти из дворца к людям, дать несколько комментариев газетчикам и в последний раз проехать по улицам перед тем, как закрыться в доме и хорошенько отпраздновать твою новую фамилию.

На мое счастье, из сада во дворец мы с Генри ехали в одном воиде, и он крепко сжимал мою руку. Я махала людям, собравшимся, несмотря на дождь и поднявшийся ветер, улыбалась, а служанки из кортежа разбрасывали монеты и небольшие пряники, обернутые в непромокаемую бумагу. Я бы сейчас все отдала за один такой! Но хоть я и давила в себе мрачные мысли, наблюдать за тем, как в дождь, на блестящую от воды мостовую падают монеты и тут же их подбирают собравшиеся у заграждений зеваки, было неловко. Я не стану скрывать: когда в городе проходили свадьбы высоких лордов и леди, я тоже была там, любовалась кортежами и да-

же бросала цветы под колеса воидов, но почему-то никогда не подбирала монеты или украшения. Об этой традиции, готовясь к свадьбе, я совсем забыла.

Чтобы защитить от дождя, над нами приподняли крышу воида так, чтобы нас могли видеть, от чего он стал похож на старинную карету.

– Ты им нравишься. Сказочная принцесса.

– Они меня совсем не знают. Боюсь, что если не буду соответствовать требованиям, то столкнусь с жестоким разочарованием.

– Да, так бывает, – вздохнул он. – Но ты их не разочаруешь. Ты добрая, красивая, умная и воспитанная, Теана Гримвелл.

– Я еще не Гримвелл.

– До этого знаменательного момента осталось меньше часа.

Наконец кортеж остановился перед казавшейся бесконечной лестницей, ведущей ко Дворцу Союзов. Вот и все. Неужели я правда выхожу замуж? Как жаль, что папа и мама не видят этого. Им бы понравился Генри.

Сделав глубокий вдох, следом за женихом я вылезла из воида. Как учила Лаура, обернулась к толпе и помахала, чтобы после неповторимая атмосфера старого дворца скрыла меня от посторонних взглядов, а явила снова уже в качестве замужней женщины, представительницы знатной семьи.

– Леди Морнингблум! – воскликнула одна из служанок. –

Букет!

Звездоликая! Я залилась краской: за волнением я совсем забыла в воиде букет. Прекрасный, светлый, нежный и благоухающий весенней свежестью! Созданный под чутким руководством Дианы... это было не то что потерять серьги, но тоже вопиющее проявление неуважения к семье любимого мужчины.

Я потянулась к совсем юной девчонке, служанке, и то ли от ее волнения, то ли из-за моей природной неуклюжести, букет выскользнул из рук и упал на ступеньки, а затем, подхваченный порывом ветра, покатился к толпе.

Меня захлестнуло таким глупым страхом, что на миг тело охватило оцепенение. И прежде чем кто-либо среагировал, превратив катастрофу в незначительную неловкость, я решила все исправить сама. Как можно увереннее улыбнулась девушке и направилась к заграждению, куда укатился букет, всем видом демонстрируя, как смущена, но совсем не раздосадована инцидентом.

Я не успела поднять букет, какой-то мужчина протянул руку через заграждение и взял его первым.

– Прошу, – улыбнулся он.

Я бросила на него мимолетный взгляд: пожилой, седина уже завладела висками, а на лице залегли глубокие морщины.

– Благодарю, господин...

– Лотнер. Мое имя Харальд Лотнер, леди.

– Спасибо, господин Лотнер.

– Поздравляю, леди. Будьте осторожны. Эта семья может погубить.

Я вздрогнула, прохладный ветер, свойственный дождливой погоде, превратился в ледяной. У мужчины были очень жуткие серые глаза. Он смотрел так, словно заглядывал в самую душу, и при этом был абсолютно уверен в себе, в том, что говорил, и в том, что его слова произвели нужный эффект.

– Благодарю за букет, – холодно отозвалась я и поспешила вернуться к Генри.

Толпа одобрительно закричала, захлопала – мой жест явно одобрили. Но только не жених.

– Теана, что ты делаешь?! Это должна делать служанка!

– Я решила, что людям понравится, если я подойду сама. Они ведь считают меня народной принцессой, одной из своих. Это было вежливо.

– Это небезопасно, – отрезал он. – И будь, ради Звездно-ликой, внимательнее.

– Извини. – Я обескураженно притихла. – У меня болит голова, и я немного рассеянна. Очень хочется есть, мне не удалось позавтракать, а уже почти вечер.

– Осталось всего несколько часов.

Мне показалось, в голосе Генри просквозило раздражение.

– Перед церемонией у меня будет некоторое время, что-

бы привести себя в порядок, может, кто-то из слуг сумеет добыть мне хотя бы яблоко?

– Теана, не будь капризным ребенком. Ничего с тобой не случится.

Этим он оборвал все мои попытки оправдаться или сгладить спор, я просто по старой доброй привычке ушла в себя и отстраненно наблюдала за декорациями. Дворец Союзов встретил нас негромкой музыкой, приятным запахом из смеси свечей, цветов и старого собора, и изумительной красоты витражами, через которые пробивались первые робкие солнечные лучи после дождя. Они игривой радугой ложились на стены, превращая их в отдельное произведение искусства.

Возле входа в главный зал мы с Генри расстались, все так же молча. Он отправился к алтарю: приветствовать гостей и принимать поздравления, а я – обновлять прическу, макияж, приходить в себя и размышлять, что вообще только что произошло.

Неужели моя семейная жизнь начнется со скандала? Сколько разговоров было о том, что мы с Генри настолько разные, что неизбежно принесем друг другу неудобства! Сколько он убеждал меня, что недостаток воспитания, знания этикета и эрудиции не поставит его в неловкое положение перед обществом, что я всему быстро обучусь и – цитирую – «Теана, ты прекрасна в своей непосредственности. Кому нужен этикет, когда на сцене такая искренняя девушка?». Теперь моя искренность вызвала у него раздражение.

Я послушно сидела в небольшой комнате, пока переплетали прическу, и лишь когда услышала звук открывшейся двери, обернулась, втайне надеясь увидеть Генри. Он улыбнется, объяснит свои слова волнением перед свадьбой, поцелует меня – и вернется к гостям, со смехом объяснив, что удрал тайком и всего лишь на секунду.

Но это был, конечно, не Генри.

– Габриэл? Что вы здесь делаете?

– Собираюсь вести тебя к алтарю. – Его губ коснулась кри-
вая усмешка.

В черном костюме-тройке он выглядел очень впечатляюще. Возможно, даже чуть менее враждебно, чем при первом знакомстве. Я не видела его после того ужина, и сейчас словно заново знакомилась, восстанавливая в памяти яркие черты притягательной, но слегка пугающей внешности.

– Извините. Я забыла. Все готово, мы можем идти.

Служанка отошла в сторону, и я поднялась с софы. От резкого движения голова вдруг закружилась, а каблук не вовремя подвернулся. Охнув, я неуклюже упала обратно на софу.

– Что с тобой такое? – спросил Габриэл.

Он даже не шелохнулся! Генри бы непременно подхватил меня и помог подняться. Хотя теперь я в этом не была так уверена.

– Все в порядке.

– Я вижу по твоему лицу, как у тебя все в порядке, оно белее стен. Повторяю вопрос: что с тобой? Ты беременна?

– Что? Нет! Звездноликая, у вас есть хоть немного такта?

– Больна?

– Я голодна! Довольны? Я ничего не ела с утра. Не волнуйтесь, Генри уже прояснил мне правила поведения в высшем обществе. Дайте мне минуту, я буду готова.

Габриэл со вздохом засунул руки в карманы и смерил меня таким задумчивым взглядом, что показалось, будто сейчас меня ждет вторая часть лекции на тему «Принцессы не бывают голодными». От стыда за срыв я густо покраснела, хотя, пожалуй, это было даже хорошо: теперь меня уж точно не обвинят в излишней бледности.

– Иди, – бросил он служанке, – найди что-нибудь поесть. Только быстро! У тебя пять минут, поняла?

Та поспешно кивнула – и унеслась. А я открыла от удивления рот.

– Вы серьезно? Еда? Но церемония вот-вот начнется...

– Я надеюсь, ты умеешь быстро жевать, – хмыкнул Габриэл, пододвигая к себе свободный стул.

– Да, но Генри сказал, что это неуместно. Никто не будет ждать, пока я поем.

– У нас с Генри немного разный вес в обществе. Его, возможно, не будут. А меня ждать придется. Ждать и молиться, что я в этот момент хотя бы не трахаю невесту, а то ей придется выходить замуж в помятом платье.

Я снова густо покраснела, но решила не вступать в очередную перепалку тогда, когда меня собирались покормить.

Правда, я не смогла совсем промолчать и осторожно поинтересовалась:

– А что, такое уже бывало?

– Да, пару раз.

– Зачем я спросила...

– Ты маленькая наивная девочка, Теана Морнингблум. Этот дворец видел много браков, но по любви из них была от силы десятая часть. Большая часть жен и невест, побывавших в моей постели, прыгали туда прежде, чем я успевал узнать их имя. А что до Генри, то он просто пытается быть на меня похожим. Только пока еще не понимает, в какие моменты стоит проявлять холодность и принципиальность, а где нет. Морить голодом невесту, чтобы выносить с церемонии ее бесчувственное тело – не тот случай.

– Генри не похож на вас, – с трудом выговорила я. – Он не такой...

– Циничный? – Габриэл поднял брови. – Ваше поколение живет в относительно процветающем мире, который не содрогается от войн, массовых убийств или всеобщих психозов. Поэтому, хочется верить, подражание Генри мне пройдет, и он вырастет во что-то... более приличное. И в самостоятельное.

Вернулась служанка с целой тарелкой небольших бутербродов и чашкой чуть остывшего, но все еще ароматного чая. Я с наслаждением набросилась на еду, и даже задумчивый и тяжелый взгляд Габриэла не пугал. Было всего несколь-

ко минут, чтобы подкрепиться – и выдержать еще несколько часов церемонии. Она когда-нибудь закончится? Момент, когда мы с Генри войдем в нашу свежеремонтированную спальню и займемся любовью, уже казался недостижимой мечтой.

– Ты любишь Генри? – вдруг спросил Габриэл.

Это у него вышло так неожиданно, что я едва не поперхнулась оливкой.

– К чему этот вопрос?

– Он очень простой, Теана. Любишь или нет? Не бойся, я не отменю свадьбу, это ваши с Генри жизни и вам решать, как вы их проживете. Считаю, что мне просто интересно. В последнее время люди не задумываются о том, что свадьба – это не просто праздник, это ритуал, который связывает судьбы, во время которого мы клянемся, что будем рядом несмотря ни на что. Отчасти это причина, по которой я в жизни не ступлю на порог этого дворца в качестве жениха, но речь не обо мне. О тебе, Теана. Ты любишь Генри?

– Да. Я люблю Генри.

Оставив в сторону пустую тарелку и чашку, я поднялась и вытерла руки салфеткой, которую тут же подала служанка. Голова больше не кружилась, а приятная легкая сытость подняла настроение так, что я даже почти не боялась Габриэла.

– Спасибо вам, лорд Гримвелл. Я ценю то, что вы сделали для нас и нашего праздника.

– Ты знаешь, что раньше, всего каких-то несколько сотен

лет назад, если человек совершал тяжкое преступление, то вместе с ним казнили его супруга? Не детей, не родителей, а именно супруга. Мы не можем выбрать, какому ребенку родиться, но вот тех, кто добровольно связывает с нами судьбу, выбираем. Они разделяют с нами радости и богатство. Люди прошлого считали, что должны разделять и горе и наказания.

— Люди имеют право на ошибку. Нельзя казнить человека лишь за то, что он был ослеплен любовью... или за то, что любовь прошла.

Он подал мне руку. Прикоснуться к Габриэлу было страшно, но я, едва дыша, осторожно положила ему руку на локоть и постаралась встать так, чтобы мы вдвоем не запутались в подоле пышного платья. Приходилось идти медленно и осторожно, мужчина почти заботливо поддерживал меня на крутой лестнице, пока я, стиснув зубы, чтобы не начать ругаться, как портовый грузчик, размышляла, кому же пришло в голову делать такие высокие ступеньки во дворце, где каждый день девушки в шикарных платьях несутся навстречу своему счастью?

Или несчастью...

Перед огромными, в два, а то и в три человеческих роста резными дверями мы замерли, ожидая, когда те откроются, чтобы выпустить нас в зал, наполненный ароматом и отблесками свечей. Там, в конце длинного пути, проходящего мимо рядов кресел, где восседали многочисленные и со-

вершенно незнакомые мне гости, ждал мужчина, с которым я собиралась прожить до конца своих дней. Мужчина, с которым я добровольно связала свою судьбу.

И с которым меня казнили бы, живи мы двести лет назад. Если бы он совершил преступление, конечно.

– Ты лжешь, Теана, – вдруг произнес Габриэл. – Ты испытываешь к Генри что угодно, кроме того, о чем спрашивал я. Только не любовь.

Двери медленно распахнулись, а конец фразы заглушила громкая торжественная музыка.

Церемония очень напоминала один из тех снов, когда каждое движение дается с трудом, будто ты пытаешься плыть в вязком киселе. Или почти не можешь двигаться из-за адской сонливости. В детстве такие сны могли мучить на протяжении месяцев, потом сошли на нет, но я никак не ожидала, что моя свадьба пройдет в таком же тумане.

Генри улыбался, когда Габриэл подвел меня к постаменту и помог подняться по трем невысоким ступенькам. Я кожей ощутила внимание сотен гостей, все их взгляды были прикованы ко мне, и волнение растеклось под сердцем, быстро смешавшись с кровью, наполнив вены и превратив размеренный ритм сердца в беспорядочный безумно быстрый стук, от которого шумело в ушах, и я едва слышала, что говорит жрец.

А еще Габриэл не сводил с меня глаз, и его слова в воспоминаниях заглушали слова брачной церемонии.

– Теана! – шепнул Генри. – Клятва!

Опомнившись, я нервно улыбнулась.

– Я клянусь в вечной верности. Любви и преданности. Пока смерть не разлучит нас. Я, Теана Морнингблум, вверяю тебе, Генри Гримвелл, свою жизнь, душу и судьбу. По благословению Звездоликой богини клянусь быть женой, матерью, надеждой и любовью.

– Я смиренно принимаю твою, Теана Морнингблум, жизнь и клянусь быть мужем, защитником и отцом. По благословению Звездоликой я, Генри Гримвелл, обещаю хранить и оберегать тепло, которое ты приносишь в мою семью.

Он взял со специальной подушечки тонкий золотой браслет и осторожно застегнул на моем запястье. Совершенно не к месту появилась ассоциация с кандалами. Звездолика, Теана, что с тобой?! Это свадьба, а не передача тебя в рабство! Ты же сама сказала ему «да», ты только что перед всеми клялась в любви. Откуда это ощущение, словно вместе с замком браслета на шею сомкнулась удавка?

– Даю тебе, Теана Гримвелл, свой дом и свою фамилию. Пока смерть не разлучит нас.

Раздались аплодисменты, от взрыва которых я вздрогнула. Сверху посыпались лепестки сирени, крошечные бумажные самолетик с пожеланиями от гостей и блески. Рассмеявшись, Генри на несколько секунд меня поцеловал, а потом поймал один из самолетиков и помахал им гостям. Я тоже протянула руку, впрочем, не особенно горя желанием чи-

тать, что же там нажелали мне родственники жениха.

Красивая, в общем-то, традиция писать молодым пожелания и отдавать во дворец, чтобы в конце клятв получился настоящий дождь из теплых слов и счастья, оказалась довольно болезненной для того, с чьей стороны на свадьбе даже не было гостей.

Я бы очень хотела, чтобы родители сейчас были в роскошном зале, смотрели на меня и плакали от счастья, как тихонько, украдкой вытирая глаза шелковым платком, плакала мать Генри.

– Идем, нужно поприветствовать людей, а потом поедем праздновать.

Прежде чем гости начали покидать дворец, мы вышли на верхнюю ступеньку той огромной лестницы, у подножия которой я потеряла букет, и оказались под прицелом тысяч взглядов. Народ аплодировал – шоу подошло к кульминации. В один момент я вдруг почувствовала себя неблагодарной эгоисткой, которая весь день чем-то недовольна. Все эти люди пришли, чтобы посмотреть на чужую сказку. На мою сказку. Для них это был праздник, и я старалась улыбнуться всем и каждому, особенно детям, которых тянули повыше, чтобы чужие спины не загородили обзор.

– Идем, – позвал Генри, когда к подножию лестницы приехал воид – на этот раз закрытый.

– Мы не можем подойти к ним поближе? – спросила я.

– Нет, отныне тебе придется держаться на расстоянии от

мира, который ты покинула. Он может быть опасным.

– Я выросла в нем.

– Да, но теперь ты – Гримвелл. Давай не будем задерживать гостей, Теана, они проголодались и с нетерпением ждут начала праздника.

Что ж... либо Габриэл и Генри умеют общаться мыслями и уже обсудили, как я наелась бутербродов перед церемонией, либо мой голод в расчет в принципе не брался. Я нахмурилась, усаживаясь в теплое и почти темное нутро воида. В нем было хорошо: можно было смотреть на улицу, делая вид, будто очень удивлена людьми, которые не уходили, даже несмотря на поздний час. Которые хотели краем глаза увидеть нас, пусть и в закрытой от всех машине.

– Как думаешь, мы не совершили ошибку? – спросила я, повернувшись к Генри.

– Что?

– Я просто... мне страшно менять жизнь, и я боюсь, что не смогу влиться в твой мир, понимаешь? Что, если у меня не получится?

– Думать об этом нужно было до того, как ты сказала «клянусь», Теана, – холодно и недовольно произнес... муж.

Как странно было думать о Генри как о муже.

– Извини. Ты прав. Это нервы.

Я вдруг обнаружила, что все еще сжимаю в руках самолетик с пожеланием. Чтобы не встречаться взглядом с Генри, я развернула плотную бежевую бумагу с фамильным гербом

Гримвеллов, и с трудом – было слишком темно – вчиталась в мелкие буквы.

«Беги, пока не поздно, Теана, вот чего я тебе желаю. Твоя клятва будет звучать как “я добровольно шагаю в ад”. Сибилла Гримвелл».

Звездоликая, ну и семья! Сибилла с ее мрачным пожеланием окончательно выбила меня из колеи, и в дом я входила с ощущением, словно шагаю в пасть к монстру. Отчасти оно так и было: теперь на меня смотрели с интересом, как не на очередное увлечение богатого мальчика, а на нового члена семьи. Гадали: смогу ли соответствовать и с нетерпением ждали первого провала.

Нас осыпали цветами и оглушили аплодисментами. Оказывается, в доме Гримвеллов был огромный зал для приемов, где и устроили торжество. Габриэл действительно постарался и потратил на нас кучу денег. Угощения и напитки разносили вышколенные официанты в серо-черных костюмах, живая музыка неторопливо и мелодично растекалась по залу. Музыканты виртуозно играли не только на струнах инструментов, но и на душевных струнах гостей – почти у всех было приподнятое праздничное настроение.

Зал разделили на две части, в одной из которых оставили место для танцев, а во второй расставили столы. Нас с Генри усадили за один из центральных у стены, так, чтобы со всех мест было видно виновников торжества. Пока все усаживались, а слуги разливали вино, Габриэл поднялся. Меж тем

Генри щедро плеснул виски в стакан, стоявший перед ним, и сделал большой глоток. Я бы тоже не отказалась от чего-нибудь прохладного, но в мой бокал налили красное вино, которое, конечно, не охлаждали.

– Что ж, господа, – когда все смолкло, улыбнулся Габриэл. – Сегодня произошло важное для семьи событие. Генри отныне женатый человек, с чем я его и поздравляю. Ну а Теана – новый член семьи, и я прошу всех присутствующих принять ее и сделать так, чтобы девушка чувствовала себя частью Гримвеллов.

Он несколько секунд помолчал, улыбаясь собственным мыслям, а потом словно отбросил их в сторону – и вновь надел маску заботливого счастливого дядюшки.

– Надеюсь, мой подарок понравится детям, когда они откроют его в более спокойной обстановке. Конечно, финансовое обеспечение и загородная резиденция в Блекшир-хилле, которая с этого момента переходит в собственность Генри, таковым не являются. А теперь...

Он кивнул музыкантам.

– Позволю себе воспользоваться правом главы семьи и пригласить невесту... прошу прощения, жену моего племянника на танец. Генри, ты не против?

С улыбкой Генри поднялся, протягивая мне руку, и сам вложил ее в руку дяди, а я в это время старалась улыбаться и уныло думала, что хоть бы мое согласие для приличия спросили. Я бы, конечно, согласилась и точно так же послушно

вышла на середину пространства для танцев, но чувствовала бы себя... не так странно под взглядом внимательных темных глаз и в стальной хватке Габриэла.

Прямо право первой ночи.

– Ну что ты, Теана, всего лишь первого танца.

Я густо покраснела. Неужели эта фраза вырвалась вслух?

Музыканты заиграли нежную и спокойную мелодию. За это я была безумно благодарна: вряд ли после целого дня суеты и беготни я бы смогла изобразить динамичный танец.

– И как тебе в роли леди Гримвелл? – спросил Габриэл.

– Довольно... необычно. Пока приятно.

– Рад слышать. Мне показалось, на церемонии ты была несколько зажата.

Я не удержалась и удивленно подняла брови. Я зажата?! Да он перед самым бракосочетанием заявил, что я выхожу за Генри не по любви! После такого не зажата будет только Сибилла – да и то, если уже напилась до одурения. Я мельком бросила взгляд на стол, где сидели женщины Гримвеллов – Диана, Дебра, Сибилла и дальние родственницы Генри. Сестричка моего мужа как раз от души хлестала вино, начисто игнорируя закуску, а Дебра то и дело неодобрительно на нее косилась.

Все взгляды были прикованы к нам, и я порадовалась, что Габриэл не давал даже толики свободы. Танцевать с ним оказалось легко – достаточно было не сопротивляться и позволять вести. А еще у него были очень горячие руки, даже че-

рез жесткий материал корсажа платья я ощущала тепло там, где лежала его ладонь.

– Добро пожаловать в семью, Теана. – Когда музыка закончилась, Габриэл выпустил меня из объятий. – Помни, что став однажды одной из нас, ты уже не сможешь изменить это. Даже если...

Под всеобщие аплодисменты он поцеловал мне руку. Я судорожно сжала край платья, надеясь, что никто не заметит, как кожа покрылась мурашками. Что со мной такое?! Это же не демон из кошмарных сказок, это просто мужчина! Циничный, грубоватый мужчина, дядя моего мужа.

– Даже если однажды ты решишь покинуть Генри, – закончил Габриэл.

С первыми нотами новой мелодии многие вышли из-за столов танцевать. Я втайне надеялась, что Генри подхватит цепочку – и мы закружимся в первом танце мужа и жены, – но он не торопился подниматься из-за стола. Рассудив, что броситься танцевать с первым, кто рискнет пригласить невесту, было бы неуважительно по отношению к нему, я вернулась за стол.

– Могу я попросить у вас воды или чего-то освежающего, безалкогольного? – попросила у почтительно склонившегося слуги.

Тот, кивнув, исчез, а муж усмехнулся:

– Боишься пить? Я никогда не видел тебя пьяной... должно быть, это довольно любопытное зрелище.

Ему, в отличие от меня, хорошая порция виски на голодный желудок не пошла на пользу, хотя Генри вряд ли так считал. Я изо всех сил старалась убедить себя, что все нормально, что он нервничал так же, как и я. Что сейчас подадут горячее – и опьянение пройдет, а ко мне вернется привычный веселый и сияющий Генри.

– Я редко выпиваю, мне хватает одного бокала, чтобы ужасно разболелась голова. Хочется запомнить нашу свадьбу. И проснуться счастливой, а не в похмелье.

Пока я говорила, Генри сосредоточенно наливал себе новую порцию виски.

– Все в порядке? – спросила я.

– Почему ты спрашиваешь?

– Банкет начался десять минут назад, а ты пьешь уже второй стакан.

– Хочешь мне запретить? – неожиданно резко взвился Генри.

– Нет, я...

– Теана, ты весь день капризничаешь. Тебе не нравится поездка, не нравится позирование, ты устала, ты голодна, ты путаешься в клятве, задаешь странные вопросы и флиртуешь с моим дядей. Будь добра, верни девушку, в которую я влюбился.

– Флиртую с дядей?! Генри, ты в своем уме?! Как тебе пришло такое в голову?

– А мне поведали, как ты кокетничала и рисовалась, изоб-

ражая голодный обморок. И как он мило кормил тебя бутербродами перед тем, как вывести ко мне. Думаешь, приятно узнавать такое из сплетен? Об этом уже все говорят!

– Так может, предъявишь претензии служанке, которая все растрепала? И заодно спросишь, как все было на самом деле? Он просто дал мне перекусить! Что до капризов, то знаешь, свадьба в твоей семье – не такое уж легкое мероприятие. Твой дядя, с которым я флиртую, прямо заявил, что наша свадьба не по любви, а сестричка прислала пожелание шагнуть в ад. Да, Генри, я нервничаю и волнуюсь, потому что хочу войти в твою семью и не опозорить тебя, но конкретно сейчас я в бешенстве, потому что на поддержку со стороны твоих родственников не рассчитывала, а вот на твою – очень даже. А ты почти обвинил меня в измене... спасибо, Генри. Именно на такую поддержку я и рассчитывала. Пойду волноваться на свежем воздухе в надежде, что хотя бы там не буду никого раздражать.

С этими словами я поднялась и на глазах удивленного мужа направилась на балкон. Хотя это скорее была прогулочная застекленная веранда с потрясающим видом на сад, залитый светом фонарей, и город, видневшийся вдали. Я полной грудью вдохнула свежий вечерний воздух и на миг закрыла глаза.

Генри непросто. Я знаю, что он всю жизнь мечтал быть достойным фамилии, делал все, чтобы стать преемником дяди. Неодобрение Габриэлом нашей свадьбы больно по нему

ударило. Но обвинять меня в том, что я флиртую с Габриэлом? Да я готова в обморок упасть, когда старший Гримвелл оказывается рядом! О том, чтобы использовать привлекательность или пытаться его очаровать нет и речи. Все, чего я хотела – пересекаться с жутковатым главой семейства как можно реже. Как до свадьбы, так и после.

Им всем пришлось нелегко, когда родители погибли. Тайну обстоятельств гибели бабушки и дедушки Генри тщательно оберегали, ходили разные слухи, но я склонялась к тому, что они были охотниками на колдовство. И отдали жизни за нашу безопасность.

Сейчас Чармерд – светлое, спокойное и почти лишенное магии королевство, дышать в котором можно полной грудью. Но так было не всегда. Еще сорок лет назад весь мир был погружен в пучину черной магии и страшных кровавых ритуалов. Колдуны в нем правили бал, а смертные жили в страхе. Чтобы бороться с магами, не было ни ресурсов, ни сил, ни единства. То, что однажды в Чармерде появился сильный лидер, почти уничтоживший колдунов и колдуний, было чудом.

С тех пор за колдовство карали жестоко и немедленно. Чармерд вздохнул с облегчением.

К сожалению, мои родители не успели насладиться безопасной и безмятежной жизнью. Родители Габриэла тоже. Это наложило отпечаток и на меня и на детей Гримвеллов.

– Скучаешь?

– Звездноликая... – пробормотала я. – Вам лучше уйти.
Габриэл удивленно поднял брови.

– Прости? Уйти совсем или мне можно хотя бы остаться в доме?

– Вы поняли, о чем я. Генри злится.

– Из-за чего?

– Из-за вас. Из-за того, что я с вами говорю. Из-за того, что вы меня накормили.

– Это... – Он нахмурился. – Какая-то забава? Свою жену имеет право кормить только Генри или я обломал какую-то захватывающую эротическую игру с бутербродами?

Я закатила глаза и снова отвернулась. Смотреть на сад было приятнее и спокойнее.

– Ты не выглядишь счастливой, Теана.

– Я устала.

– Хорошо. В качестве извинения за не самый ласковый прием я дам тебе совет. Генри боится предательства. Его часто предавали, начиная с отца, который сбежал, едва узнал, что Диана беременна. И Генри понимает, что ты рано или поздно – а скорее всего, рано – столкнешься с соблазнами. Ему только предстоит тебе довериться. Не злись, что это дается ему трудно.

– Да, но мне тоже трудно, когда он обвиняет меня во флирте с вами.

– Может, он не так уж неправ? – усмехнулся Габриэл.

– Что?! – Я так резко обернулась, что подол платья взмет-

нулся над полом.

– Ты напряжена, когда я прикасаюсь. Отводишь взгляд. Кусает губу. Я хорошо знаю язык женского тела, Теана. Но можешь не пылать праведным гневом. Я хоть и недостаточно порядочен, чтобы не трогать чужую жену, все же люблю Генри. А ты слишком наивна и неопытна, чтобы ему изменять. Впрочем, если однажды вы расстанетесь, возможно, мы проверим эту интересную теорию в деле... и в спальне.

– Мне не нравится этот разговор! – отрезала я.

– И тебе нужно научиться выходить из него достойно. Завтра мы с Деброй проведем для тебя пару уроков. Провокаций будет много. Придется на них отвечать.

Изящным движением Габриэл взял с подноса проходившей мимо служанки два бокала с игристым вином и один протянул мне.

– Поздравляю с бракосочетанием, Теана. Приятного вечера и продуктивной ночи. Прошу меня извинить, я должен беседовать со всеми гостями по очереди.

Открыв рот и до боли в пальцах сжимая тонкую ножку бокала, я смотрела вслед Габриэлу, не до конца понимая, как вообще ему за считанные секунды удалось вывести меня из себя. Это что, была проверка?! Да мы же не в школе выживания, а на свадьбе, в самом-то деле!

Теперь и мне понадобилось выпить, поэтому я залпом осушила бокал. Освежающее сладковатое вино принесло облегчение и легкое головокружение. Понятно, почему Сибил-

ла столько пьет. И понятно, почему ее жених сбежал – если и ему устраивали такие проверки, то он просто не выдержал напора.

Казалось, моего отсутствия никто не заметил. Я разрешила себе провести на балконе еще минуту прежде, чем вернуться в зал, затем еще минуту и еще, сама не заметив, как пробыла там больше часа. Смотрела на сад, дышала воздухом и слушала приглушенные голоса, музыку и звон бокалов.

Все наладится. Свадьба закончится, и мы с Генри будем счастливы. Я вряд ли стану для них своей, но ведь моему миру совершенно необязательно исчезать, мы можем смешать наши и создать новый. В котором будет место счастью, в котором не придется глушить тоску алкоголем.

Я вернулась в зал и словно очутилась во сне. Роскошные люди в роскошных нарядах пили и веселились, смеялись и наслаждались жизнью. Габриэл и несколько мужчин беседовали у стены, Сибилла методично и равнодушно накачивалась спиртным. Я поискала глазами Генри и нашла его танцующим с миловидной рыжеволосой девицей в шикарном небесно-голубом платье. Острый болезненный укол как будто проткнул сосуд со жгучей горькой ревностью.

Спокойно, Теана, это может быть одна из его многочисленных кузин, давняя подруга, одноклассница. Наконец, любимая внучатая племянница какого-нибудь дальнего родственника, который попросил развлечь его любимицу.

– Во всяком случае, устраивать сцены – точно не лучший способ завоевать доверие Гримвеллов, – сказала я себе.

Музыка смолкла и, подхватив пышные юбки, а еще нацепив вежливую счастливую улыбку, я направилась к мужу.

– Как насчет танца с молодой женой? – спросила я.

На миг тиски, сжимавшие сердце, разжались: показалось, что все тревоги и разочарования позади. Сейчас Генри обнимет меня – и мы закружимся в танце, на зависть гостям.

– Об этом надо было думать раньше, – бросил Генри. – Когда ты свалила и бросила меня здесь.

– Генри, я была на балконе.

– Не сомневаюсь, что ты отлично провела время. Я тоже развлекся, чувствовать себя идиотом, вынужденным танцевать с кем угодно, кроме жены, так забавно!

– Прости. Я немного расстроилась и забыла о времени. У вас красивый сад, я...

Муж поморщился.

– Генри, я не хотела обидеть тебя. Твой дядя...

– Что, занял тебя на часок?

– Хватит! Твой дядя ведет себя как последняя скотина!

Прости, я не хотела бросать тебя. Мне жаль, что ты чувствовал себя идиотом и настолько сильно растерялся, что даже не сходил поискать пропавшую невесту, тем более что она предупредила, куда отправилась. Пожалуйста, давай попробуем не омрачать праздник скандалом. Потанцуем и помиримся. Пожалуйста, Генри.

– Праздник? – Он удивленно поднял брови. – Считаешь, это похоже на праздник?

– Я тебя не узнаю. Тебя как будто подменили.

– То же я могу сказать и о тебе.

– Мне жаль.

Я покачала головой, чувствуя, как начинается приступ мигрени. Яркий свет и громкие звуки стали практически невыносимы.

– Что ж, раз у тебя нет желания видеть меня, как и у большинства гостей, не возражаешь, если я отправлюсь в комнату и отдохну?

Генри пожал плечами, что можно было расценить как «делай что хочешь». На самом деле я даже выдохнула с облегчением, потому что оказаться наконец в тишине и покое было единственным желанием этого дня. Мне удалось незаметно выскользнуть из зала, подняться по лестнице и, отсчитывая двери, найти наши апартаменты.

Посреди гостиной стояли два сундука с моими вещами, их доставили утром. Дверь в спальню была приоткрыта, но свечи не горели, и комнаты были погружены во мрак. Я остановилась перед большим зеркалом, медленно расплетала волосы и пыталась не превращаться в вечно ноющую унылую девицу из числа тех, что постоянно плачут о своей несчастной судьбе посреди шикарных апартаментов.

Но все равно не смогла сдержаться, сморгнула слезы и сбросила неудобные туфли. Можно было притвориться, что

я плачу от облегчения.

Неужели Габриэл был прав? Неужели я убедила себя, что влюбилась в Генри, потому что он из обеспеченной известной семьи? Мне казалось, мы понимаем друг друга с полуслова, но что, если я, как и остальные девушки, была ослеплена мечтой о шикарной жизни? Отбрасывала все сомнения, потому что страстно хотела вырваться из нищеты? И мой брак дал трещину, едва начавшись...

Почувствовав волну жара, я распахнула окно и вдохнула свежий ночной воздух.

– Не хочу быть такой... я же обещала, что буду хорошей...

Посиди здесь, Теана, а мама с папой посмотрят, кто пришел, хорошо? Нужно сидеть очень тихо, милая. Что бы ты ни услышала, хорошо? Это важно. Очень важно! Ты сделаешь так, Теана? Будешь хорошей девочкой?

Это последнее, что сказала мама прежде, чем запереть меня в тайной камерке в шкафу. Я не была хорошей девочкой, я не послушалась ее... и если бы тайник не был надежно заперт, я бы вырвалась и колдунья меня нашла. Сидя в крошечной комнатухе, обнимая любимого плюшевого зайца, я много часов слушала крики родителей и заклятья темных ритуалов, для которых из них выкачали всю кровь.

Опустив голову на руки, я слушала щебетание какой-то ночной птицы и боролась с воспоминаниями, когда дверь наших комнат открылась, впуская Генри. Он слегка пошатывался и затуманенным взглядом осматривал комнату.

Муж был в стельку пьян.

Более унылого и несуразного окончания свадьбы невозможно было представить. Сама того не желая, я обидела мужа, игнорировала его половину вечера, из-за чего тот напилсь до беспамятства и теперь стоит в нашей новой гостиной, пытаюсь сфокусировать взгляд на двери. А вместо страстной и нежной брачной ночи меня ждет тревожное бдение возле страдающего похмельем Генри.

Я устало махнула рукой. Что уж теперь мучиться угрызениями совести? Да и не устраивать же безобразный скандал пьяному мужику, в этом все равно нет ровным счетом никакого смысла.

– Идем, я уложу тебя спать, – вздохнула я.

Генри, пошатываясь, вошел в спальню, смерил меня заинтересованным взглядом и пьяненько усмехнулся.

– Развлекаешься... леди Теана Гримвелл...

– Праздник закончился.

– Праздник только начинается.

Я не ожидала сама от себя, что испытаю раздражение и отвращение, когда Генри прижмет меня к себе и попытается поцеловать. От него пахло табаком и алкоголем, но запах не был неприятным, скорее слишком... мужским. А руки жадно шарили по моей спине, нащупывая пуговички на платье. Раньше мне нравились его прикосновения, и я очень ждала этой ночи, но сейчас как будто не Генри был рядом со мной в темной спальне.

– Нет! Генри, нет, я не хочу! – выдохнула я.

Он, конечно, не слушал возражений, но на мое счастье был слишком пьян. Я вложила все силы в то, чтобы отпихнуть мужа от себя. Генри отшатнулся и, запнувшись за ковер, грохнулся на пол, чудом избежав удара о банкетку.

– Звездноликая!

Я бросилась к нему.

– Генри, боже! Да что с тобой такое?!

Его лицо с видимым трудом приобрело осмысленное выражение. Кажется, он хотел изобразить страсть или что-то типа того, но получились обычные пьяные домогательства. Лощеный наследник Гримвеллов, мечта всех молодых девочек Чармерда, Генри сейчас ничем не отличался от любого из толпы работяг, что свистели и улюлюкали вслед каждой красотке.

Когда он снова потянулся и сделал попытку ухватить меня за руку, я поняла, что не смогу поднять мужа и уложить на кровать. А если попробую это сделать, то возможно проведу первую брачную ночь не совсем так, как в фантазиях и мечтах.

– Ты клялась мне подчиняться! – рявкнул он. – Ты клялась, что не предашь!

– В клятве не было ни слова о том, что я должна терпеть пьяного мужа в постели.

– Ути-бозе-мо-о-ой, – Генри нарочно сюсюкал, будто говорил с ребенком, – подумаешь, немного выпил. Теана, мать

твою, хватит ломаться, ты моя жена! Почему ты смотришь на всех, кроме меня?! Может, и здесь кто-то успел побывать, пока я был внизу, а?!

– Проспись, – бросила я. – Утром поговорим. И не удивляйся, если завтра я подпишу бумаги на развод.

– Кто тебе его да-а-аст! – взвыл Генри.

Он с неожиданной резвостью поднялся, а я отшатнулась, вдруг испугавшись мужа всерьез. Что придет ему в голову? О чем он сейчас думал, так жадно всматриваясь в мое лицо?

– От Гримвеллов уходят только в могилу, Теана. Неужели ты еще этого не поняла?

Я на несколько секунд закрыла глаза, успокаиваясь. Руки мелко дрожали, а в горле застрял ком, мешавший говорить. Мой голос словно мне не принадлежал – казался чужим и безжизненным.

– Ложись спать, Генри. Я устала.

Он сделал несколько шагов в направлении меня, но я не стала проверять, была то попытка исправить содеянное или новый виток его сумасшествия. Остаться с ним наедине было попросту опасно. Я еще верила в то, что на все есть какая-то причина, что существует веский повод, позволивший мужу так вести себя. Неужели я совсем не знала Генри?

Я выскочила из комнаты, в последний момент схватив массивный бронзовый ключ и за секунду до того, как Генри ударился в дверь, успела запереть ее снаружи. Тяжело дыша, прислонилась лбом к холодному дереву и вздрогнула, когда

все вокруг затряслось от мощного удара.

– Теана, открой!

Хоть и зная, что муж не видит меня, я отчаянно покачала головой. Я словно в каком-то кошмаре, где все ведут себя неестественно и пугающе.

– Открой, я сказал!

– Прости, Генри, но я впервые в жизни тебя боюсь.

И впервые не знаю, что делать дальше. Я в чужом доме, в пышном свадебном платье, совершенно разбитая и растерянная. Куда идти? У кого попросить помощи?

Точно не у Габриэла. Во-первых, неизвестно, как глава семьи относится к пьяным выходкам членов своего семейства. Генри на особом счету у него, и это может означать как лояльность и готовность сквозь пальцы смотреть на прегрешения, так и излишнюю строгость.

Я все еще надеялась разобраться с тем, что заставило мужа так повести себя в день свадьбы. Не бывает такого, чтобы чуткий, веселый и спокойный мужчина вдруг в один миг превратился в домашнего тирана! Не бывает, и все тут! Я бы заметила... я бы хоть что-то, но заметила. Знаю, что есть причина. Она должна быть!

Убеждая себя в этом, я направлялась к лестнице. Единственное решение, пришедшее в голову: провести ночь в гостиной, тихонько подремав в кресле у камина, а утром, когда часы пробьют шесть и проснется прислуга, прошмыгнуть обратно в спальню. Генри будет спать к тому времени, наде-

юсь. Потом мы поговорим, и скандала удастся избежать.

Безумие какое-то. Я собираюсь прятаться от собственного мужа в доме его родни...

Стало так жаль себя, что на глаза навернулись слезы. Вот что должно было быть написано в записке с пожеланиями.

«Ты проведешь первую брачную ночь в неудобном кресле, вслушиваясь в звуки старого особняка и...»

К слову, о звуках. Я остановилась посреди темного коридора, замерла, даже перестав дышать. Вдруг показалось, что откуда-то из недр дома доносится негромкое пение. Голос был мужским и монотонным, и, пожалуй, в нем не было ничего особенного, кроме той волны иррационального страха, которую он вызвал.

Я слышала заклинания лишь однажды, но та ночь стала моим проклятием.

Из легких словно выбили весь воздух, а грудь изнутри обожгло пламенем. В доме Гримвеллов кто-то колдует? Кто-то из гостей воспользовался гостеприимством и предал хозяев, осквернив их место колдовством?

Нужно было поднять панику, закричать, но я испугалась, что кто бы ни колдовал в одной из комнат дома, он успеет замести следы, пока я ищу хоть кого-то, кто сможет помочь. Поэтому осторожно, ступая как можно тише – благо в этом помогали ковры – я покралась в сторону источника звука.

Монотонное пение становилось громче, и наконец я остановилась возле ничем не примечательной двери. Их здесь

были десятки, возле одной из таких я подслушала разговор Генри и Габриэла в тот день, когда знакомилась с их семьей. За дверью могла оказаться как чья-то спальня, так и гостевая. Я осторожно повернула ручку, готовая в любой момент метнуться к лестнице и спрятаться в гостиной.

Но человек, стоявший возле небольшого алтаря на колоннах, не видел меня. Его фигуру с широкими плечами, рельефными мускулами и несколькими тонкими шрамами вдоль линии позвоночника освещали красные свечи. Зловещее мерцание искажало силуэт, но даже так, со спины, в полумраке, я без труда узнала Габриэла Гримвелла.

Пальцы до боли сжали холодную ручку.

В руке мужчины сверкнул серебряный кинжал, которым он взмахнул над алтарем. Струйка темно-красной крови окропила камень, а заклинание зазвучало громче. Хотя стук моего сердца заглушал слова, а накативший ужас мешал осознать их смысл.

Я тенью метнулась прочь, свернула за угол и без сил сползла по стене.

Звездоликая богиня... Габриэл Гримвелл – колдун. И Генри, кажется, об этом знал. Вот почему он так странно отреагировал на весть о казни леди Харсперин!

Я попала в логово монстра.

В дом мага.

Если бы Генри не был пьян, я бы тотчас бросилась к нему. Потому что доверяла, потому что до конца не хотела верить, что он знает о магии Габриэла. Хотя надежда на это таяла с каждой секундой. Он и напился, возможно, потому что понимал: рано или поздно я все узнаю. И что теперь? Что мне делать теперь?

Увиденное поразило и ввергло в шок. Колдовство в моем понимании было уделом старых, скрюченных, уродливых ведьм. Кровавые ритуалы и убийства невинных меняли их облик, превращая в разлагающихся монстров. Да, Миранда Харсперин была красивой и обаятельной вдовой, но мое воображение маленькой, запертой в шкафу девочки нарисовало именно монстра.

А сейчас перед глазами стояла обнаженная мужская спина, с идеальной мускулатурой, капельками пота на загорелой коже и красными рефлексамии от жутких колдовских свечей.

– Добро пожаловать в семью, – услышала я над головой.

Испугавшись, я резко вскочила. Слабый свет из дальнего окна осветил Сибиллу. Зажав под мышкой бутылку, вероятно, украденную из остатков банкета, она направлялась к себе и по дороге увидела меня.

– Что, страшно? – хмыкнула она. – Не бойся. Я – человек.

– Ты...

– Я не стану сдавать тебя дяде. Мне плевать.

– Ты пыталась меня предупредить.

Сибилла пожала плечами. Мне показалось, она выглядела еще грустнее обычного, в глазах читалась серая, монотонная тоска.

– Ты не послушала. Дура.

Подумав, она добавила:

– Я тоже такой была.

– Была? Что случилось?

– Дерьмо случилось. Дядя был против свадьбы. Я настояла. Перед свадьбой рассказала жениху и... он не захотел мириться с колдовством под собственным носом. И тогда...

Она поморщилась, откупорила бутылку и сделала щедрый глоток.

– Дэниел исчез.

– В каком смысле исчез?

– В смысле в саду, – рассмеялась Сибилла, – на глубине трех метров. Дядя сказал, что предупреждал меня. Я была в числе тех, кому первому выдали лопату. Что ж, Генри тоже придется закапывать твое тело, если не сделаешь вид, будто безумно рада жить рядом с чудовищем.

– Звездоликая...

Я словно оцепенела. Сердце обливалось кровью от мысли, что Сибилле пришлось пережить. Значит, она пьет, потому что по вине ее семьи убили ее любимого человека... ее жениха. Который вовсе не бросил ее, а погиб, защищаясь от

магии Габриэла!

– Мне очень жаль.

– Вау, ты в меньшинстве... как там тебя? Теана? И что ты будешь делать, Теана?

– Я?..

Меньше всего я ожидала этого вопроса. Что делать? Что я могу сделать, ненавидя магию всей душой? Нет, не так, что я *должна* сделать? Генри не простит, если я предам его, но разве я могу простить ему и его семье магию? Загубленные жизни? Весь мир борется против таких, как Габриэл, а они просто привели меня сюда и надеялись, что смогут скрыть колдовство?!

– Мне нужно поговорить с Генри. Он пьян, но...

– Но не выжил из ума! – рассмеялась Сибилла, а я испугалась, что нас услышат.

– Тише! – прошептала я. – Пожалуйста! Сюда сбежится весь дом!

– Генри мечтает быть таким, как Габриэл. И мечтает развить свой дар.

– Дар? Он тоже...

Закрыв глаза, я снова прислонилась к стене. Сердце гулко билось о грудную клетку, грозя выскочить. В ушах шумело. Генри... мой Генри – колдун. Мой муж, единственный человек, которому я рассказала в подробностях, что пережила, ни словом, ни взглядом не дал понять, что мне стоит бежать не оглядываясь на край света, спастись от магии и, как

страшный сон, забыть мысль о том, чтобы стать членом семьи Гримвелл.

– Он во всем копирует Габриэла. Скопирует и в способах получить власть. Знаешь, как дядя стал главой семьи? Оклеветал родителей, обвинив их в магии. Они всю жизнь скрывали его способности, чтобы защитить любимого сына от закона. А когда он решил, что пришло время получить наследство и стать во главе Гримвеллов – то сдал мамочку и папочку властям и смотрел, как их вешают на дворцовой площади.

Сибилла снова приложилась к бутылке. Я уже начинала ей завидовать: напиться и забыться было бы самым простым. Не вспомнить ни единого слова из этого разговора наутро!

– Вот тебе мой совет, Теана. Беги отсюда. Беги и проси защиты у законников, сдай всю эту грязь, пусть получают то, что заслуживают. Дэниел похоронен в двадцати пяти шагах к северу от скрюченного дерева, что растет у самого забора. Его легко найти, оно единственное. Этого будет достаточно, чтобы Гримвеллам пришел конец. Кто-то должен оказаться с яйцами и заставить их прекратить.

Она посмотрела куда-то вдаль, в конец коридора, как будто обращаясь к невидимому слушателю. Или к жениху, которого потеряла и воспоминания о котором так страстно хотела залить алкоголем.

– Раз уж мне не хватило смелости. Может, хватит тебе...

Я не знаю, что меня больше шокировало: то, что Габриэл убил жениха Сибиллы и подставил собственных родителей,

или то, что она сейчас просила меня сделать.

– Это же твоя семья...

– Ты представляешь, что такое каждое утро смотреть в окно на сад, где похоронен человек, которого ты любила? Ты представляешь, что такое умолять дать ему еще один шанс? Ты представляешь, что такое отвращение в глазах любимого мужчины? Я ничего не сделала, Теана! Я не колдунья, я не совершала преступлений, я всю жизнь старалась быть той, кем они хотят меня видеть! Занималась благотворительностью, училась... я влюбилась в хорошего человека! В доброго, веселого. Мы хотели уехать. Хотели свой дом. Детей. Но его убили, просто потому, что он оказался не готов принять зло, которое возглавляет нашу семью!

– Прости. Мне так жаль, Сибилла...

– Мне тоже, – горько улыбнулась девушка. – И когда-нибудь, уж поверь, сюда придет красивая юная добрая девушка, которой Генри печально поведаст, что его первая жена, Теана, трагически погибла на третий день после свадьбы. И ей тоже... будет. Очень. Жаль.

Отчеканив последние слова, Сибилла неопределенно махнула рукой, будто прощаясь, и, пошатываясь, побрела к себе. Я с трудом сделала несколько шагов к лестнице. Вдруг поняла, что если не выйду на воздух, то мне просто не хватит воздуха. Голова кружилась то ли от недостатка кислорода, то ли от свалившихся на нее откровений.

Прямо в свадебном платье, придерживая подол дрожа-

щими руками, я неслышно выскользнула из дома и вдохнула ночной свежий воздух. На небе лукаво мерцали звезды, словно издеваясь, подмигивали девочке, у которой рухнул весь мир. Я торопливо шла по тропинке в глубь сада, боясь, что кто-нибудь в доме некстати выглянет в окно и заметит беглянку. А потом, когда впереди показались ворота, сорвалась на бег. Роскошный сад с кованой изгородью вдруг показался клеткой, а дом — я обернулась взглянуть на него — мрачной тюрьмой. Глаза сами безошибочно нашли окно Габриэла и, может, мне всего лишь показалось, но я отчетливо увидела в окне красные отблески колдовских свечей.

По телу прошла новая волна дрожи. Обрывочные, туманные воспоминания накатили, как и всегда, не вовремя. Я помню, как напряженно вслушивалась в звуки в доме, мне так и не удалось уснуть даже после того, как крики родителей навсегда затихли. Дом вскоре наполнился звуками, я снова было испугалась, но различила в мешанине голосов свою фамилию и поняла, что спасена. Ни до, ни после я не рыдала и не стучала с таким отчаянием по тонкой перегородке, умоляя выпустить меня на свободу. И я совсем не помню, как взломали потайную дверь, за которой меня прятали, и офицеры вдвоем вытаскивали меня, чтобы отвезти в госпиталь.

Зато я отчетливо помню огарки красных свечей, разбросанные по дому. Они отлично сочетались с потеками крови... Габриэлу бы наверняка понравилось.

Я бродила по ночным улицам несколько часов, в конце ко-

торых признала, что у меня началась настоящая истерика. Я то смеялась, то принималась плакать. В платье было холодно, а лицо почему-то горело. Сама не заметила, как дошла до набережной и без сил опустилась на скамейку.

Что мне теперь делать? Как спасти Генри? Можно ли вообще спасти того, кто принял магию, кто от природы получил проклятый дар?

Я задумчиво смотрела на брачный браслет, приколовший меня к Гримвеллам. Я клялась довериться им. Клялась быть частью семьи, но как понять, что это значит? Быть частью – закрыть глаза на преступления? Или быть частью – и попытаться спасти тех, кто не заслуживает хоронить любимых на заднем дворе дома?

– И какие же философские вопросы могут занимать счастливую невесту в первую брачную ночь? – услышала я за спиной.

Резко обернулась – и увидела мужчину. Его скрывала ночная тьма, но слабый свет фонаря грубо обрисовывал черты, в которых я без труда узнала незнакомца, поймавшего мой букет и сделавшего жуткое предостережение.

Харальд Лотнер.

– Что вы здесь делаете? – чуть резче, чем собиралась, спросила я. – Вы следили за мной?

– Я знал, что вы придете сюда. Вода успокаивает вас, Теана Морнингблум. Или... Теана Гримвелл.

– Кто вы такой?

– Я ведь представлялся, – с легкой улыбкой ответил мужчина.

– Но я спрашиваю не имя. Кто вы такой?

– Законник. Начальник отдела по противодействию колдовству.

Сердце пропустило удар, я изменилась в лице и тем самым выдала себя с головой. Что он знал? Следил за Гримвеллами?

– Вы меня изучали! – догадалась я. – Мое дело!

– Разумеется. Я давно охочусь за Габриэлом Гримвеллом и не мог не заинтересоваться невестой его племянника. Ваше личное дело находится в особом хранилище, леди Гримвелл. Приношу свои соболезнования в связи со смертью близких. Ужасная трагедия. С ними поступили несправедливо и жестоко. Надеюсь, вы оправились.

Я нервно рассмеялась.

– Прекратите это делать!

– Прекратить что?

– Напоминать мне о родителях! Вы специально разжигаете во мне злость.

– Всего лишь подбрасываю поленья, – улыбнулся Харальд. – Теана, я не враг вам. Видит Звездноликая богиня, я до последнего надеялся, что не увижу вас здесь. Но годы опыта, интуиция и холодный разум подсказывали иное. Вы не из их мира. Вы другая. Добрая. Чистая. Всем сердцем ненавидящая магию. Вы можете помочь мне, Теана.

– Помочь? – Я поморщилась. – В чем?

– Я знаю, что Габриэл Гримвелл – колдун. Вы, полагаю, тоже это знаете, именно поэтому вместо счастливого сна в объятиях мужа коротаете холодную ночь на набережной с выражением ужаса и шока на лице. А еще я знаю, что вы любите этого мальчика и вам больно осознавать, в какой семье он вынужден жить.

Я закусила губу, чтобы сдержаться и не выдать Генри. Сибилла говорила, он тоже обладает магией. Выходит, Харальд не знал об этом и подозревал лишь Габриэла. Может, я еще могу спасти мужа? Мы сможем уехать... справиться как-то со злом внутри него, ведь должен быть какой-то способ!

– Я очень давно наблюдаю за Гримвеллами. И давно мечтаю поймать Габриэла, но только сейчас получил ключ к его тайнам. Это вы, Теана. Ваши показания упрячут его за решетку, а впоследствии – приведут к виселице. Будет достаточно лишь вашего слова...

– Нет! – отрезала я.

– Теана, вы ведь, как и я, ненавидите магию. Как и я, потеряли родных. Габриэл Гримвелл – злодей, который погубил сотни жизней. По его вине погибла моя жена и пропала дочь. Можете себе представить отчаяние отца, который понятия не имеет, что с его ребенком? Теана, вы хотя бы знаете, что ваши родители мертвы, а я понятия не имею, что он сделал с моей Джулс.

Я ошеломленно качала головой, словно пыталась выбро-

сильно из нее каждое слово, которое ранило внутри.

– Вы лжете. Габриэл не мог...

Со вздохом Харальд сунул руку в нагрудный карман черного плаща и, вытащив небольшую, размером с ладонь, папку, протянул мне.

– Посмотрите.

– Что это?

– Посмотрите, Теана. Взгляните в их глаза.

В папке оказалась стопка портретов. С верхнего на меня смотрела красивая блондинка с яркими фиолетовыми глазами.

– Это Лиэнн Грегстон. Она пропала пять лет назад. Последние недели перед исчезновением она встречалась с Габриэлом Гримвеллом.

К портрету была прикреплена газетная вырезка – там, на потускневшем фото Габриэл нежно обнимал блондинку на ступеньках перед Чармердским театром оперетт.

– А это Грета Лоус. Симпатичный рыжий ангел, совсем юная. Встречалась с Габриэлом Гримвеллом за месяц до своего исчезновения. А это Шанель Шапо. Роман с Габриэлом Гримвеллом за три недели до того, как ее мать в отчаянии пришла умолять найти ее дочь. Диана Гаррисон. Меган Риск. Татьяна Каталони. И... Спринг Мэлор. Ей едва исполнилось восемнадцать, когда она появилась в обществе с Габриэлом Гримвеллом. Ее нашли месяц назад... изуродованную в ходе кровавого магического ритуала. Не смотрите следующее

фото, Теана...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.